

А. Афанасьев

A man and a woman are dancing tango in a dramatic, fiery environment. The woman is wearing a blue dress and the man is in a dark suit. They are surrounded by intense orange and yellow flames against a dark, smoky background. The overall mood is intense and dangerous.

ТАНГО СМЕРТИ 2
В БУЭНОС-АЙРЕСЕ...

...ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА «ТАНГО СМЕРТИ ПОКИЕВСКИ» ПРОИСХОДИТ УЖЕ В НАШИ ДНИ, В БУЭНОС-АЙРЕСЕ, ГДЕ НАШИМ ГЕРОЯМ ПРИДЁТСЯ ПОГРУЗИТЬСЯ В БУДНИ И ИНТРИГИ МЕСТНОЙ УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ.

Александр Афанасьев

Танго смерти – 2.

В Буэнос-Айресе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68933751

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение романа "Танго смерти по-киевски". Бывший офицер ГРУ Александр Беднов по кличке Удмурт – неплохо устроился в жизни: он живет в Буэнос-Айресе и отмывает наличные колумбийской мафии, получая от этого неплохой процент. Но прошлое настигает его – совсем в другой стране, его ждут старые враги, старые друзья, новая кровь и страна на пороге государственного переворота. Да и сброшенная власть – еще способна огрызнуться...

Содержание

Особый период	5
Украина – Беларусь. 30 ноября 20.. года	7
Минск, Беларусь. 28 февраля 2018 года	32
Минск – Вильнюс – Стамбул – Буэнос-Айрес. 01–02 марта 2018 года	46
Удмурт. Буэнос-Айрес – Монтевидео – Пунта дель Эсте. 03 марта 2018 года	59
Удмурт. Монтевидео – Буэнос-Айрес – Мадрид. 04–07 марта 2018 года	65
Слон. Буэнос-Айрес. 04–07 марта 2018 года	85
Удмурт. Мадрид – Франкфурт – Буэнос-Айрес. 08 марта 2018 года	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Афанасьев

Танго смерти – 2.

В Буэнос-Айресе

Поплач мені, Річко...

Розкажи про дні часів прадавніх.

Те, що бачила за давніх-давен,

Пошепки перекажи у краплях.

Крода «Поплачь мені, річко»

Особый период

Умирать не страшно, я это точно знаю. Я умер в Грозном, в страшном, никак не кончавшемся девяносто четвертом году. Мы все там умерли – даже те, кто для людей остались живы. Просто в этом городе – мы оставили что-то важное. Нечто такое, что делает человека – человеком.

В Грозном был конец. Настоящий конец – Советского союза, советского человека, советской армии. После Грозного – нельзя было больше верить ни в дружбу народов, ни в пролетарское братство, ни в то, что человек человеку брат, ни в то, что Советская армия непобедима – ни во что больше нельзя было верить. Можно было верить только в того, кто рядом с тобой. На расстоянии вытянутой руки, у соседнего окна, на соседней позиции. Он – не мог предать только потому, что он был – в той же мясорубке что и ты, вместе с тобой выживал и вместе с тобой умирал. Вы просто хотели выжить, вот и всё. А кто-то другой – хотел, чтобы вы умерли. Вот так, просто...

Страшно не умирать, страшно – жить после того, как ты умер. После того, как все умерло в тебе. Мы все – зомби. Те, кто умер – и в то же время жив. И еще непонятно, для кого мы опаснее. Для людей, или для самих себя...

Умирать не страшно. Страшно умирать ни за что. Страшно умирать, понимая, что твоя смерть всего лишь

*проходной эпизод, что она ничего не изменит, что все будет
– как и было до тебя. В этом лучшем из миров, уютно рас-
положившемся в окрестностях теплой и ласковой звезды...*

Звезды по имени Солнце...

Украина – Беларусь.

30 ноября 20.. года

А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь?

Нет. Никто.

Просто растает снег, взойдёт зелёная украинская трава, заплетёт землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать её не будет.

Никто.

М.А. Булгаков. «Бег»

Я иногда задумываюсь над тем, есть ли какой-то смысл в том, что кто-то погиб, а мы остались живы? Кто отбирает тех, кто должен погибнуть? По каким критериям? Кем надо быть, чтобы выжить – лучшим? Или наоборот – худшим?

Или – просто нет никакого смысла, а если большая лотерея, что-то типа лототрона... или лохотрона, в который мы, как шарики, – раз за разом бросаем свои жизни и смотрим – что выпадет? Чет – нечет...

Я не знаю, какой я теперь – хороший или плохой. Я просто

– раз за разом бросаю свою монетку. И пока что выпадало всегда «чет» – но рано или поздно выпадет и нечет. Я готов и к этому...

В конце концов, я умер много лет назад. Мы все – там умерли. А теперь – я умер, наконец, и для своего государства, став предателем. Хотя я не считаю, что стал предателем. Просто – кто-то должен был сделать хоть что-то, чтобы прекратить. Прекратить кровавый путь извергов, сеющих зло вокруг себя. И я его прекратил. Хотя бы для одного.

Сколько крови было на Пивоваре – я не знаю точно, но знаю, что много. Надеюсь, души тех, кого он убил, отправил на смерть, разменял как карты в игре, как фигуры на шахматной доске – наконец-то обретут покой...

Я вскрыл машину, оставшуюся на летном поле от улетевшего из своей страны президента Украины – бронированную Тойоту Ланд Круизер. Завел машину – и рванул к белорусской границе...

Вот так вот...

Так закончилась очередная бесславная страница новейшего периода дружбы народов – российского и украинского. Закончилась тем, что очередной законно избранный (говорю это без всякого юмора, потому что законность выборов признана международными наблюдателями) вместе с охраной проследовал в Москву, или в Белгород, или куда там еще. Вместе с ним проследовали и несколько сотен его подданных – от сотрудников КБ Антонова, которым просто повез-

ло оказаться в нужном месте и в нужное время, и заканчивая высокопоставленными офицерами армии и спецслужб, президентской администрации и прочих структур. Часть из них – будет помогать ФСБ и ГРУ строить очередные антиукраинские козни, часть – купит в Москве элитную недвижимость и начнет говорить и писать о том, как их не поняли, обидели, выгнали и т. д. и т. п.

У украинцев же – минус несколько самолетов, минус очередной законно избранный, минус все те миллиарды, которые он успел наворовать, и плюс – опыт, который, конечно же, ничему никого не научит...

Что там будет? Не знаю. Мы участвовали в уличных боях в Киеве – я участвовал. Куда уж дальше. Гасили снайперов, гасили бронетехнику. Воевали за законно избранную украинскую власть и потом эту же власть – с боем спасали от избравших ее избирателей. Нахрена нужна власть, которую от ее собственных избирателей вынужден защищать иностранный спецназ?

Если страна не вальнется сейчас, просто не выдержав выпавших на ее долю испытаний, – думаю, это не последние политические беглецы. Через несколько лет – все повторится. Потому что Украина не извлекает никаких уроков. И потому вынуждена вечно бежать, не замечая, что это – бег по кругу...

Избрался-узурпировал-наворовал-бежал. Избрался-узурпировал-наворовал-бежал...

И мы – ничему не учимся. Мы уже много лет ведем тайную войну, войну жестокую и кровавую, не желая понять, что порой простой, честный и откровенный разговор – лучше тысяч самых хитроумных планов. Мы заигрались в игры, мы как всегда – хватили через край. И если до девяносто первого мы были наивны как дети, то сейчас – мудры и опасны как змии. Только мы забываем одну простую максиму: можно обманывать небольшую группу людей долго, можно обманывать большую группу людей недолго, но большую группу людей долго обманывать нельзя. Мы снова и снова – меряем время от выборов до выборов, своих и чужих, не замечая, что в угоду четырех— и пятилетним циклам – приносятся столетия дружбы, которые нас объединяют.

Объединяли.

Я это понял. Там, в Киеве. И оказал народам – русскому и украинскому – услугу. Это самое большее, что я смог...

В Россию мне теперь дорога была заказана – и я направился в Беларусь. Просто граница была ближе всего, если не считать российской. По пути я видел вымершую украинскую глубинку, раскрашенные в жовто-блакитный автобусные остановки, у которых никогда не остановится автобус – но мне было плевать, я перегорел. Вместе со мной бежали украинские менты, еще кто-то... прокурорские, кажется – таборами, на своих дорогих тачках, похватав все, что попало под руку. Их машины были хорошо заметны – киевские номера, и новизна – новые машины при курсе далеко за трид-

дать – могли себе позволить покупать лишь те, кто сидел на потоках.

Нас никто не останавливал. Просто не до того было да и некому уже. Милиции – полиции на дорогах не было. Как то так получалось, что мы прибивались друг к другу – словно щепки в водовороте. Словно потерпевшие кораблекрушение – в отчаянной надежде спастись...

Никогда не забуду ту последнюю ночь перед переходом белорусской границы...

Мы повстречались уже за Коростенем. Территория, которая, по-моему, попала в зону Чернобыльского загрязнения. Хотя могу ошибаться. Леса тут хватает, рубить его нельзя – но все равно, рубят.

Просто – несколько машин, почти одинаковых. Заметили друг друга, прибились, потом начали искать съезд.

Ну а там...

В общем, не было среди нас попа-расстриги и свиньи в штанах – а так весь адский сброд. Саша – бизнесмен, на Порш-Кайенн. Лева – так он представился – полицейский на Тойота Ланд Круизер. И еще один Ланд Круизер, новый совсем – Сергей, как он представился, бывший прокурор.

Саша и Лева ехали с семьями, Сергей – с любовницей и ее матерью, только я – один. Оружия нет – на аэродроме обезоружили. Документов нет. Денег правда, немного есть – во время боев в городе удалось подразжиться. Это не мародерка, нет – только чтобы до дома случ чего добраться. Маро-

дерят по-другому. Короче, грабь – не хочу. Но меня никто не грабил. И вообще ни о чем не спрашивал. Жрать тоже не было, и я думал, как решать вопрос – но Саша королевским жестом стал выкладывать на капот своего Порша колбасы кругами и буженину...

– О... откуда такая роскошь? – поинтересовался Лева, потирая руки.

– С фабрики.

...

– Фабрика у меня в Буче... была. Когда началось – только и успел кассу выгрести да колбасы вот похватать. Хорошо семью на дачу отвез. Как чувствовал.

– Дело хорошее... – мент в свою очередь выставил свою жратву – и я холодильник выгрёб.

Прокурор – молча поставил на капот две бутылки коньяка. У меня не было ничего – но мне ничего не сказали...

Я болен, только не знаю, чем...

М.А. Булгаков. «Бег»

Колбаса – была вкусной. Коньяк – я пить не стал.

– Ну, что, мужики... – Лева опрокинул в себя серебряную охотничью стопочку. – Как жить дальше будем?

– А что жить? – буркнул Саня. – Была бы шея, а хомут найдется. Торговая марка есть, оборудование куплю... чего делать. Мясо, оно и в Белоруссии мясо. А люди всегда будут покушать хотеть...

Лева как то хитро огляделся.

– А ты как? – посмотрел он на меня.

– Я вообще не местный.

– Да вижу, что не местный. А ты?

Прокурор недобро посмотрел на него.

– С какой целью интересуешься?

– Да ни с какой. Просто понять хочу.

– Чего понять? Чего понять... хочу вот понять, с чего мы такие трусы то оказались, а? Драпаем как... фрицы.

– Что предлагаешь? – спросил прокурорский. – Идти воевать? За родину, за Садовника?

– А хотя бы и так!

Мент с вызовом осмотрел нас.

– Я с себя ответственности не снимаю, мужики. Но вот посмотрите, раньше – Белая Гвардия, то – се. А теперь? Руки в ноги...

– Так вали. Воюй, – сказал прокурор

– А ты чего? Дрысливо?

– Леонтий... – подошла жена

– Да отстань...

– Ты в каком звании? – спросил я.

– Подполковник.

– Подполковник. Как минимум батальоном должен командовать. Или полком. Ну и где твой полк, нахрен?

...

– А если его нет, ты сначала задайся вопросом – почему его нет? Почему народ – третий раз нападает на власть, им же

избранную? Найди ответ на этот вопрос, попробуй. А потом и шашкой – маши, хорошо?

Мент посмотрел на меня – пристально и зло.

– Не местный, говоришь?

...

– А машинка то у тебя, со спецномераами, литер. Спорнем, документов нет?

– Отстань от человека, – сказал прокурор.

– Чо, санкцию, не даешь? Ладно. Живите, упыри...

* * *

В преисподней жуют один и тот же кусок, но не могут его проглотить...

Мераб Мамардашвили

«Язык теней»

Пока было непонятно, что и к чему – стояли на месте, слушали радио. Стемнело – ночью через границу идти было нельзя. Себе дороже. Завтра как-нибудь переберемся... наверное. Завтра будет хороший день...

Подошел Александр – я как раз сидел на подножке машины, открыв дверь. Протянул сверток, я открыл – хлеб, круг колбасы. Протянул обратно.

– Берите. Я же вижу, у вас ничего нет.

Я закинул провизию в машину.

– Должен буду.

– Сочтемся.

– Можно, я присяду?

– Конечно...

Саша присел – он был выше меня, длинноногий, длинно-рукий. На подножке ему было неудобно...

– Вы, в самом деле, не местный, – сказал он, – верно?

– Да.

– Поговору понял. Киевляне хоть и говорят по-русски, но по-другому. Акцент. У меня отец так говорит.

– Вы русский?

– Отец русский. В девяносто первом служил на Украине, вот... присягнул. А я... не знаю, кто я теперь.

– Кто считает себя русским, тот и есть русский, – сказал я.

Саша долго молчал, потом сказал:

– Спасибо.

– За что?

– За то, что напомнили... что есть еще нормальные люди.

– Да бросьте. Таких – большинство.

– Не у нас...

– Да... не в Украине...

Знаете, что самое страшное? То, что ничего не меняется. Ни-че-го. Желающие – могут взглянуть на заседание украинского парламента 1990–1991 годов, который уже тогда назывался Радой, на программы кандидатов в президенты Украины, на истерические выступления Степана Хмары. На студентов на Крещатике с плакатами «я голодную» – особенно

пикантно рядом с этим смотрится жирная ряха некоего Кирилла Василенко, министра культуры Украины – что называется, пацан к успеху шел-шел и дошел. На честное и прямое письмо одесского рабочего с судоремонтного завода – с требованием прекратить националистическую истерию и создать вторую палату Рады – совет национальностей с тем, чтобы все нации и народности Украины получили политическое представительство и голос в парламенте. Кому не лень – посмотрите, поднимите все это – в интернете можно найти. Все тоже самое – проклятья в адрес федерализации, ненависть к москалям, рассуждения об оккупации, защита украинского языка – все должны говорить только на мове. И за почти тридцать лет – ничего нового. Ни-че-го. Китай за это время – увеличил свой ВВП в десять раз. В Дубае – из ничего за это же время построили город мечты, конкурирующий с Нью-Йорком по количеству небоскребов. Даже Россия – продвинулась вперед настолько, что уже мало напоминает СССР в своей повседневности – новые дома, новые машины, новые самолеты, новые поезда, новые олигархи, новые люди во власти – новое все¹. И лишь Украина – год за городом, как в каком-то кошмарном дне сурка, из раза в раз возвращает-

¹ Один малоизвестный факт. Автор как-то для одной работы сравнивал ротацию первой десятки списков Форбс (самые богатые люди страны) для России и Украины – сравнивал 2004 и 2014 года. Для России – в десятке самых богатых людей на 2014 год – восемь новых фамилий, тех, кто в этот список в 2004 году не входил. На Украине все наоборот – 8 из 10 старые, те, кто входил в список и в 2004 и в 2014 годах

ся к набившим оскомину темам: федерализация, оккупация, украинский язык, голодомор. За это время – ВВП упал на 35 % (худший результат в мире), страна стала самой нищей в Европе и самой нищей в СНГ, украинские зарплаты меньше таджикских. По основным показателям – Украина теперь соседствует с Сектором Газа – Ирак, Афганистан, Зимбабве уже обошли. Проедены запасы, изношены и годятся только на списание основные производственные фонды, некогда третья в мире по ядерному потенциалу армия, три советских военных округа – теперь сражается против собственного народа на остатках советской бронетехники. Авиация бомбит собственные города. Численность населения упала на двадцать пять процентов и продолжает падать, население разбегаются, куда глаза глядят, в стране прошло три переворота и теперь – в столице страны идут уличные бои. Но украинцы все равно – с идиотическим упорством, до хрипоты спорят и спорят о вечном. Федерализация, оккупация, украинский язык, голодомор. Федерализация, оккупация, украинский язык, голодомор. Федерализация, оккупация, украинский язык, голодомор. Федерализация, оккупация, украинский язык, голодомор...

И до безумия жаль таких людей как Саша, которые виноваты лишь в том, что они русские, и оказавшиеся в цветущей, зажиточной Украине в злосчастном тысяча девятьсот девяносто первом году. Ведь многие и не по своей воле приехали – в СССР было такое понятие, как распределение, после института тебя распределяли и ты ехал, куда послали. Да

и – кто бы тогда отказался поехать на теплую, хлебосольную Украину, которая такая же, как Россия, только в магазинах пожарать продают, а не как у нас – березовый сок в трехлитровых банках, да салат «дальневосточный» из водорослей. А вот теперь они – оккупанты.

Оккупанты, твою мать.

Хотя... и они виноваты. Каждый, кто в девяносто первом проголосовал за независимость – теперь виноват. А голосовали многие. Пятьдесят семь процентов в Крыму. Восемьдесят два – в Донецке, примерно столько же – в Луганске. Русские люди – голосовали за независимость от России. Вот теперь – и выгребают, каждый за свое. Кого-то уже – «на гиляку». Кто-то – похватал, что успел – и ноги. А ноги-то – оттуда растут. Как говорил писатель Глеб Бобров в своей бессмертной «Эпохе мертворожденных» – не нажил ума, вот теперь и бегай с Калашом по руинам родного края.

Как то так...

Я – сидел и думал. А Саша – говорил, говорил тихо и обреченно... я даже думаю, что не для меня он это говорил. Для себя. Не обращая внимания – слушаю я его, или нет.

– ... Что они творят... Что они творят, ё... Они же страну по живому кромсают... Ножамии... Может, я тоже против Яныка был. У меня тоже... и бизнес отжимали, и взятки требовали, и хамство это... поперек горла уже было. Но нельзя же так... Где они это видели, б... Где... Какая Европа, какая нах... Европа, да нас теперь Европа и на порог не пустит

после всего. Они же народ... ножами. В Киеве стреляют... Донецк бомбят... Одессу сожгли... за что... за что они нас ненавидят? Я же им... работу давал... Я никогда не глядел – хохол – не хохол. За что они нас так ненавидят... б... за что...

– Саш... Уходи в Россию. В Москву, в Питер... куда угодно. И начинай все с начала. Уже не на чужой земле, на своей. А детей своих научи, пусть автомат в доме держат. И чуть что – чтобы не жалели никого, пулю – и в ров. Придут дом отнимать – пулю и в ров. Придут предъявлять за какую хрень – пулю и в ров. Только так они понимают. Только так...

* * *

Зло в истории заложено чувством правды. Не существует такого зла, которое сгоряча не совершал бы человек с ясным сознанием, что он прав, а другой должен быть наказан, должен умереть.

Мераб Мамардашвили.

Из к/ф «Путь домой»

Ночью спалось плохо.

Я умею спать так, вполглаза – но сейчас просто не спалось. Перед глазами мелькали те, кого уже нет. Василь. Игорек Этинзон. Дидье. Те, кто погиб во второй мой приезд в Одессу и тот, кто провалился и погиб в том проклятом мае, когда горело Куликово поле. Стоят ли страдания всего ми-

ра слезы одного ребенка? Да какой там ребенок – надо, б...! Надо! Оператор заснял тогда, как какой-то мужик, размахивая руками, доказывал, что надо идти жечь и убивать, а то тут второй Донбасс будет.

Сожгли. Убили.

А потом разошлись по домам, и стали дальше – ковать бабло. Кто как может. У кого на что хватает совести – или бессовестности. И так – до тех пор, пока из искр – снова не возгорелось пламя.

Когда говорят про коррупцию, как то забывают уточнить, а откуда они – коррупционеры? Они с Марса прилетели? С Венеры? Агенты Путина? Или те, кому повезло дорваться и кто сейчас жадно хватает, набивает деньгами карманы, понимая, что второй такой шанс в жизни может и не представиться?

Ведь они – это мы. И разница между нами только в том, что им повезло на хлебном месте оказаться. А нам – нет. Пока. Повезет – и нам будут заносить. И думаете, многие откажутся? Ага – шаз...

Я наблюдал начало трагедии, наблюдал ее кульминацию и сейчас – доигрываю ее финал. Начало – это Куликово поле, и сотни самообороны, верящие, что если они вот сейчас зажгут этот лагерь ненавистных им ватанов – то через год, два, они будут в Европе. Кульминация – это два десятка пацанов учатся полицейскому делу в европейской полицейской академии. Начало конца – это тот же Валера Вознюк, «грома-

дьянский активист», за два года ставший начальником отдела в новой полиции, и продажный, как последняя портовая шлюха, – да, тот самый Валера. Который пел гимн Украины, и по щеке – катилась слеза... такое ведь не сыграешь. А финал... это то, что есть сейчас. Когда все против всех. Когда друг от друга – уже тошнит, когда весь мир идет на тебя войной.

Может, на крови что-то и вырастет. Но я уже не верю. Слишком много было – крови. И ничего не росло. Как там... на крови может вырасти только бардак, где и кровь не имеет цены. Вот это честно.

Это про нас...

Мне не спалось, только потому это и увидел. Сначала движение – крадучись, прошел человек. А когда такие дела творятся, сами понимаете – на воду дуешь. Когда же прошел второй, за первым – я понял, что дело нечисто.

...

Успел как раз вовремя. Лева как раз заканчивал душиТЬ Сергея – перед этим ударив его по голове рукояткой пистолета. В последний момент – он то ли услышал, то ли почувствовал человека за спиной. Начал разворачиваться, поднимая пистолет – но я ему шанса не дал. Бросился, сшиб, прижал руку с пистолетом. Тот выстрелил. Мент оказался непростой – попытался ударить меня головой, но я был начеку. Потом – подоспел и Александр, сбежались бабы...

К счастью, Сергей оказался цел, голова не пробита – ина-

че бы не встал. Сейчас он – опирался на машину, фары были включены. В свете фар – были я, Лева, Александр. Я – держал в руке трофейный пистолет. А жена Левы – стояла между ним и нами – не знаю, кого от кого она защищала.

– Ты что творишь? – спросил я – за что ты его?

Лева молчал, вызывающе смотря на нас.

– Ты упырь, б... Тебе мало? Тебя тут кончить?!

– А и кончай!

Бывают ситуации, когда действительно хочется нажать на спуск. Я – с трудом сдержался.

– Ты знаешь его?

...

Я повернулся к Сергею

– Вы знаете друг друга?

Сергей не ответил.

– Лева!!! – резануло по ушам.

Я повернулся – вовремя. Лева пытался воспользоваться моментом, кинуться на меня – жена удержала

– Лева... не надо...

– Подержи... – я передал Саше пистолет, приглашающе развел руки – давай!

Лева отпихнул жену, но на меня не пошел.

– Банкуешь, – осклабился он, – ну, банкуй, голубок....

– За слова ответишь?

– Отвечу. Я за слова всегда отвечаю. С Владимирской²

² На Владимирской 35 находится основное здание СБУ.

сам?

– А что так интересуешь. Покаяться есть в чем?

– Мне-то есть. Кто работает, тому всегда есть в чем. Только ты вон у него спроси, а ему – есть в чем покаяться?

Я не обернулся – дураков нема.

– А ты расскажи.

– Рассказать? Ну... знаешь, кто такой наш друг Серега? Сначала он надзирал за законностью в наших правоохранительных органах. И хорошо так наблюдал, да, Серега? Помнишь, как ты меня за ларьки прессовал? Помнишь. Все дело в том, что я Киселям³ мешал, верно? И они мне тебя заказали, верно, Серега? Потом ты на депутата Ковалю працювал. А когда война началась – тебя кем назначили? Прокурором сил АТО?

...

– Ну, вот и расскажи нам, Серега, откуда у тебя бабло образовалось на покупку трех элитных квартир в Дипломат-Хаусе? Да, Серый? Сколько одна такая стоит? Триста штук? Пятьсот? Больше? Уж всяко недешево. А ты их купил аж три штуки, правда, Серега? А откуда Крузак, на котором ты со своей фифой сейчас едешь?

...

– И наконец, расскажи нам про свою маму, Серега! Как так получилось, что старая и больная семидесятиоднолетняя женщина – вдруг начала отгружать уголь на железную доро-

³ Банда Киселя – одна из самых опасных в Киеве в 90-х – начале нулевых.

гу. Да не по малу – по десять, двенадцать, двадцать тысяч тонн угля в месяц. Если не больше? А люстрацию ты как прошел? Как справку сделал, прокурор?

И тут я услышал за спиной звук, который ни с чем не перепутаешь, который узнает из тысячи каждый, кто прошел войну.

Лязг передергиваемого затвора Калашникова.

Успел упасть до того – как смертельный веер свинца выкосил нас. Огненный шквал – пришелся как раз по освещенному фарами месту, я успел увидеть, как упали Лева и Александр, скошенные бесконечно длинной, на весь магазин очередью. Раздался истерический женский крик, тут же оборвавшийся.

Мне повезло только в том, что я стоял на самом краю освещенного фарами места – потому и уцелел, вовремя упал. Откатившись, я примерно понял, кто это?

Баба. Та самая баба, что была с Сергеем, прокурором. Она как-то выпала из нашей разборки, и пока мы собачились – откуда-то надыбала автомат. Откуда? Да у прокурора АТО – понятно, что только танка быть не может, да и то не факт.

Я замер. С голыми руками, идти на автомат... странно, но я все еще пожить хочу.

Автомат замолчал – и на фоне тишины, отчетливо слышимой после грохота очереди – на высокой ноте взревел пятилитровый движок Ланд Крузера. Загорелись фары... Машина тронулась...

– Подожди! – по-русски.

Фары мазнули по нам... машина разворачивалась, раскачиваясь на неровностях – я мельком увидел ту бабу с автоматом, разряженным видимо. Она неловко бежала за Круизером... что-то крича. Света фар было достаточно, чтобы видеть, как на ходу из Круизера что-то выпало... что-то вроде большого мешка. Потом – джип взревел, выбираясь на дорогу.

Понимая, что сейчас не до меня – я бросился к тому месту, где были расстреляны Лева и Александр. Пистолет был у Александра... рядом кто-то мокро хрипел... но мне до этого не было никакого дела. Вспомнив, как держал пистолет Александр, когда я ему его отдал – я шарил по земле, нащупывая его. Нащупал! С колен – трижды выстрелил по едва видимой в темноте бабе с автоматом, которая все еще бежала за Круизером – и та, споткнувшись на ходу, упала.

Твою же мать...

В темноте кричали – но мне было не до того. Мне надо было достать Ланд Круизер Сергея – мне казалось дико несправедливым то, что все погибли – а он останется дальше жить...

Мой крузак был тяжелее – он был бронированным, из гаража президента Украины – но другого у меня не было, чужую машину в такой ситуации брать глупо. Оказавшись на водительском месте, я нажал на газ... Круизер тронулся с места тяжело, как тепловоз, вырывая на дорогу. В отличие от

обычного – на нем были более мощные фары, плюс искатель и проблесковые маяки под радиаторной решеткой. Я врубил все, сам не знаю, зачем...

Фары были впереди... они удалялись, и я, со своим бронепоездом – догнать их явно не мог. Но я упрямо давил и давил на газ, гоня машину по лесной дороге.

На очередном повороте – я вдруг увидел впереди корму Крузака, большие задние фонари... он стоял так, чтобы я врезался в него. Каким то чудом – я успел затормозить, и в этот момент – слева, по водительскому – хлестнула автоматная очередь, почти в упор.

Я пригнулся к рулю, стараясь, чтобы меня защищала более надежная бронесталь, а не бронестекло, которое неизвестно в каком состоянии. Но бронированный Крузак – отработал свое предназначение на все сто. Когда прокурор перестал стрелять, выпустив весь магазин – я открыл дверь и выпустил по месту, где были вспышки, всё, что оставалось в магазине моего пистолета. И – снова закрыл дверь.

Но выстрелов – больше не было.

ЛандКруизер стоял, немного приседая вперед, на спущенное колесо, в боковое и лобовое с моей стороны ничего не было видно – они все были в следах от пуль, но держались. Я перелез – благо машина большая, широкая – спереди назад, вылез через правую заднюю дверь и тут же упал на землю. Прокурор мог быть и жив, он мог ждать меня в темноте с автоматом...

Не знаю, сколько я так лежал на дороге, у заднего колеса своей машины... минут двадцать... тридцать. Когда уверился в том, что действительно – всё – решил идти на поиски. В стоящем впереди Крузере – почему то обе двери спереди были открыты, и справа и слева. В салоне – тускло горел свет.

С пустым пистолетом – я шел на поиски противника с автоматом. Не знаю, как это можно назвать... дурость, наверное. При нормальных раскладах – надо было завести головной Ланд Крузер и бежать отсюда со всех ног. Но я так не мог. Не знаю, почему – но не мог.

Не мог...

Перебежал на левую сторону дороги, упал на землю, и начал вслушиваться. Услышал дыхание... на грани слышимости. Вслушивался несколько минут, потом – пополз...

Прокурор опасности не представлял, он был еще жив – но ранен. Держался за живот, рядом – лежал АКМС, пустой. Я посветил ему в глаза... затем, подсвечивая фонариком, начал осматривать. Две пули, обе в живот – не повезло. Если довести до больнички – еще выживет... Может быть... Да только где сейчас больничка?.. Революция в стране.

– Руку... руку говорю! Так...

Я начал рвать рубашку.

– Так... а вот теперь держи. Погоди... я сейчас.

Надо что-то... непроницаемое. Хотя бы кусок пленки подложить. Это не только при ранении легкого, это вообще... рану лучше закрыть, пока не представится возможность ока-

зять нормальную помощь.

Пленка – нашлась в моем Крузере... папка какая-то. С ней я вернулся к раненому.

– Ксанка... с...а – сказал он.

– Молчи.

– Я... не хотел... Ксанка...

– Молчи, сказал...

– Это она... с мамашей ее.... твари...

Ну, да, ну, да. Это всё они, а я – весь белый и пушистый.

– Мне... конец.

– Может и нет... Сейчас мы тебя в машину перенесем...

подожди.

– Конец... мне.

...

– В тачке... бабки... в багажнике. Забери...

...

– Не хочу... чтобы этой... с...е ... не хочу...

– Замолчи.

– Мама... мама...

Я попытался его поднять, чтобы перенести в джип... но понял, что прокурор – умер.

Умер.

Я его убил. Он – пытался убить меня. Но я – его убил.

Я начал читать молитву. Единственную, которую знал, единственную, которой меня научила бабушка – она читала еще как в деревнях

Отче наш, Иже еси́ на небеси́!

Да святѣ́тся имя Твое́,

да прише́дет Ца́рствие Твое,

да бу́дет воля Твоя,

я́ко на небеси́ и на земли́.

Хлеб наш насущный да́шь нам днесъ;

и прости нам до́лги наши,

как и мы проща́ем должникам нашим;

и не введи́ нас во искушение,

но изба́ви нас от лука́ваго

Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй...

Прочитав молитву, я поднял тело бывшего прокурора и понес к машине...

* * *

Бабы – уже отвыли и теперь просто ревели.

Александр умер сразу, Лева – мучался еще полчаса. Та дрянь, что открыла огонь из автомата – была мертва, потому что я ее застрелил. Похоже, что и мать ее – тоже убил я: прокурор, уходя, выпихнул ее на ходу из ЛандКрузера, а я, в темноте, не видя ничего, переехал ее.

Пять трупов.

Жена Левы была ранена, но ранена легко. Перевязали. Могилы я закончил копать, когда уже рассвело – в одну могилу положили мужиков, всех троих, в другую – ту бабу и ее

мать. Видимо, ту самую, что углем из АТО торговала.

Когда хоронили – неприятный инцидент произошел – жена Саши бросилась на мертвую любовницу Сергея и начала топтать и пинать тело, крича что-то по-украински. С трудом удалось оттащить. Тела я закопал, жена Саши – плюнула несколько раз на могилу, где лежала убийца ее мужа с матерью. Этому я препятствовать не мог, да и смысл...

Каким-то чудом – удалось привести баб в чувство. У Левы был сын, у Александра – сын и дочь. Осиротевшие дети – как могли, помогали матерям...

В багажнике ЛандКруизера Сергея – был еще один автомат, целая сумка с магазинами, гранатами и двумя пистолетами и три огромные сумки. Открыв первую – я уже знал, что там найду. Деньги. Доллары и евро.

Судя по виду – пять – семь миллионов, не меньше. Хорошая заначка.

– Значит, так... – сказал я, когда удалось привести баб в чувство – сейчас идем к границе, вместе ее переходим – и разбегаемся. Денег возьмете столько, сколько сможете нести. За остальным вернетесь, как сможете. Машину мы в лесу спрячем.

Жена Александра, Ирина – тупо посмотрела на меня, потом замотала головой.

– Нет...

– Что – нет?

– Не возьму, нет...

– Почему?

– Не возьму!

Я размахнулся – и со всей силы влепил ей пощечину. Жена Левы, Маша – отшатнулась, пацан Александра бросился защищать мать – но я дал плесня и ему, отправил к матери.

– Слушайте сюда, если еще не дошло. Сейчас, б... не время из себя целок строить, понятно? Понятно я спрашиваю?! Ваши мужики, б..., если кто еще не понял – просрали страну. Все трое – просрали, и все трое – в этом виноваты. И вы – виноваты, но меньше, потому что бабы. Из-за ваших мужиков прип... деканских, которые даже тут разборку догадались устроить – нет у вас больше ни дома своего, ни земли, ни Родины. Ничего больше нет. Кроме детей. Которых вы обязаны поставить на ноги, слышите, коровы тупые! Может, хоть они поумнее своих отцов будут!

...

– И потому вы, б... конченные, засунете свои понты в одно место, и возьмете деньги, сколько унести сможете. И перейдете границу вместе со мной. А потом – поселитесь там, где получится и используете эти деньги на то, чтобы поднять детей. Вот что вы сделаете. А сейчас, б... сопли подобрали и готовиться к выезду. Вот, машина, посмотрите в своих что вам надо ценного – но не больше сумки на рыло. И садитесь в эту машину! Второй раз – повторять не буду! Все, пошли! Что стоим?!

Минск, Беларусь. 28 февраля 2018 года

Конечно... было большой глупостью думать, что мы перейдем белорусскую границу и не попадемся. Один я, может, и смог бы, но с двумя бабами и детьми... Это же не «страна 404», это Беларусь. Это – работающее государство, это один из европейских лидеров по производству малых беспилотников, которые, понятное дело, всегда контролируют границы этой страны. Скорее всего, с беспилотника нас и засекли, и уже на белорусской территории – нас повязала спецгруппа погранвойск. «Алмаз», кажется.

С пограничной заставы меня отправили в следственный изолятор КГБ в Минск. Знают ли они, кто я, или не знают – Бог весть. По крайней мере, тут меня накормили, врач осмотрел, и постель какая-никакая есть.

Жить можно.

Если так подумать, переход границы – преступление не слишком серьезное. Оружия при нас не было. Правда, денег очень много. Но разве это преступление?

Лязг засова.

– На выход, без вещей.

Или расстреливать повели, или выдавать России. Вещей у меня тут и в самом деле – немного. Только сумка с день-

гами...

– Стоять... проходим.

Идем по коридору. Могут ли пристрелить? Могут – с такими-то деньгами. Я – никто, документов нет. Закопать в лесу – никто не хватится.

– Стоять.

Лицом к стене не сказали. Вместо конвоя – меня ждали двое, в штатском. У одного была моя сумка.

– Наручники снимите, – распорядился один из них

Уже лучше. Щелчок замка... свобода.

– Следуйте за нами.

Идем... один впереди, другой сзади. Выходим... джип Гелендваген... кто-то за рулем... темнеет.

– В машину, назад.

Ну... с Богом, как говорится. Интересно – и сейчас мне выпадет чет?

Тронулись.

– Экстрадировать будете? – поинтересовался.

Белорусские КГБшники ничего не ответили.

...

Мы ехали через Минск. Я не был в этом городе с конца девяностых – тогда я жил здесь какое-то время перед тем, как перебраться в Прибалтику. Город я не узнал – это был совершенно другой город...

Тот Минск – запомнился мне грязным снегом, сталинками – Минск это настоящий заповедник сталинской архи-

тектуры, своего рода «сталинский Петербург», да почему то автобусами ЛАЗ, «наташками». Сейчас – в панораме высокого окна тяжелого внедорожника передо мной был другой Минск. Узнаваемый – и в то же время другой.

Все старые дома – новенькие, чистые, отремонтированные. В автомобильном потоке – одни иномарки, советских машин совсем не осталось, сами дороги ухоженные, гладкие как стекло. Везде освещение. Сталинские дома в центре – меняются на высотную застройку. Все современное и новое... прозрачные аквариумы огромных автобусов МАЗ, остановки, общественные пространства, ровные дороги... все.

Мы проехали через центр, выбрались на берег реки Свислочь. Там – на место старого, одно и двухэтажного Минска пришли жилые высотки. В свете прожекторов шло еще какое-то строительство, очень большое...

– Что это? – спросил я сопровождающего

– Минск-Сити, – с гордостью ответил он, – китайцы строят...

Я понял. Это был показ. Кто бы не выдернул меня из следственного изолятора КГБ – он чего-то от меня хотел. И потому он решил показать мне новый Минск, чтобы заручиться моей поддержкой в чем-то.

Но – в чем? И кто?

...

Гадать мне пришлось совсем недолго. Гелендваген вдруг

выехал на тротуар и остановился. В нескольких метрах от нас впереди, мордами к нам стояли еще два Гелендвагена, фары были включены на ближний свет. От этого плохо было видно людей, которые стояли, опираясь на парапет набережной, и смотрели на тот берег. Один был среднего роста – только это я и смог разглядеть.

Во втором я узнал Слона...

Сотрудник белорусского КГБ открыл дверь с моей стороны.

– Идите. Вас ждут.

Ну... раз ждут. Невежливо заставлять людей ждать...

Я вышел из машины, совсем не похожей на тюремный автотак и направился к одиноко стоящим людям на набережной. Чем ближе я подходил, тем больше видел деталей – легкая куртка, легкомысленная бейсболка на голове. Но судя по тому, как он стоит, человек в годах. Впрочем, вряд ли будет другое, на самый верх молодые редко забираются...

Когда я подошел ближе – неизвестный мне человек обернулся, и я узнал его.

Виктор Шилин. Куратор всех белорусских спецслужб. Бывший генеральный прокурор Беларуси.

Шилин – появился около «батьки» с самого начала, никто не знал, где он обучался контрразведывательным навыкам – говорили, что он был начальником военной контрразведки в стратегической ракетной дивизии. Другие говорили, что он начинал следователем в военной прокуратуре. Гово-

рили многое, но факт оставался фактом – именно Шилин создал структуру белорусских спецслужб, которая на корню подавила как минимум два Майдана. Именно Шилин создал «Оперативный центр» – не имеющий аналогов центр, подчиняющийся лично президенту и не контактирующий ни с одной белорусской спецслужбой. Именно Шилин – в числе прочих наладил контакты белорусов по всему миру – белорусская ЧВК обучает венесуэльский полицейский спецназ, они же обучают, а в некоторых случаях и обеспечивают охрану эмиров Катара и некоторых эмиратов ОАЭ. Если не верите мне, съездите в Доху – наших там нет, а вот белорусы – почему то есть.

Вопрос – зачем я нужен Шилину? И при чем тут Слон?

Шилин ничего не говорил, он только смотрел на меня больше минуты, потом повернулся к Слоноу, сказал характерным, высоким, почти женским голосом, совершенно ему не подходящим.

– Я пожалуй, вас оставлю...

– Да, Валерий Викторович...

Они со Слоном пожали друг другу руки, и Шилин отправился к машинам.

Теперь мы стояли уже вдвоем...

– Я надеюсь, ты извинений никаких не ждешь?

Я покачал головой.

– Вот и хорошо. Тогда – у меня есть для тебя работа.

Я снова покачал головой.

– Что это значит?

– То, что с меня хватит.

– Ты предпочитаешь сидеть в тюрьме?

– Рано или поздно выпустят. Зачем им я нужен?

– Это Беларусь.

– И что? Значит, тем более выпустят, на хрена я им? Отсиджу за незаконное пересечение границы и выйду.

– А дальше?

Я пожал плечами.

– Уеду. Что мне тут делать?

– В Латинскую Америку?

– В нее самую.

Слон улыбнулся.

– И сможешь без работы?

– Смогу.

– Не лги себе.

– А я и не лгу. Знаешь, в чем проблема, Слоняра? Я перестал верить.

– Во что?

– В то, что есть какая-то цель, ради которой мы все это делаем.

– Цель у нас была и есть одна – безопасность нашей страны.

– Ты е...нулся? Что мы сделали с Украиной – ты можешь мне объяснить? Ну да, жили рядом с нами люди, в понедельник их мама родила, что тут поделаешь. Как-то жили, о чем-

то мечтали. Ну, в Европу хотели – и что? То, что сейчас – лучше?

– А ты знаешь, что – сейчас?

– Представь себе – знаю. Я сюда с несколькими украинскими семьями съ...вался. По дороге друг друга перестреляли.

– И ты видишь в этом нашу вину?

– А ты – нет? Мы же спровоцировали у них гражданскую войну вместо того чтобы помочь. И теперь нормальных выходов из ситуации просто нет. У нас под боком будет или нацистское государство, с которым рано или поздно придется воевать, или рассадник преступности, террора и бардака всех мастей, или одна большая американская военная база. И все это – мы обеспечили своей стране сами, своими руками – мы, а не США и НАТО. Нам это г...о расхлебывать, нашим детям, и хорошо, если не внукам! А знаешь, почему так? Ты можешь сказать нормально, ради чего мы работаем? Нет. И я – нет. Мы просто играем в игру. И так как нет никаких моральных ограничений, нет никаких целей – играть у нас получается хорошо. Лучше чем у других. Лучше чем во времена СССР – совковый народ был слишком наивным. Но цели этой игры – нет, игра для нас и стала целью. И украинцы это – представь себе, поняли. Мы же им ничего не предложили...

– Все сказал?

– Слон. Давай без этого, а?

– Тогда послушай меня. Везде и всегда бывают ошибки. Вслух этого никто не признает, но здесь и сейчас, я тебе скажу – да, накосячили и сильно. Я видел, как принимались решения. Могу тебе сказать – никто такого не ожидал. Но то что ты говоришь – это п...ц.

– Это правда.

– Это правда, которая никому не нужна! Если тебя сбили с ног, вставай и иди дальше!

– Да, но не тогда, когда тебя сбила с ног бутылка бормотухи. Если так, то лучше все же полежать...

– Ну, и вот что с тобой делать?

Слон отвернулся к строящимся огням Минск-сити.

– Извини, – сказал я, – наверное, я слишком долго был на гражданке. Быстро разучаешься говорить «так точно».

– Я ушел из ГРУ, – сказал Слон.

О как...

– Поздравляю

– Да не с чем поздравлять.

– Сам или ушли?

– Да как сказать...

– Из-за меня? – спросил я.

Убийство Пивовара – серьезный косяк. Могли и спросить.

– Не только. В чем-то ты прав... дерьма стало слишком много. Ты в курсе за Гранит?

– Нет, что это?

– Структура. Одна из.

– Наша?

– Да. Задачи как у обычных ЧВК. Но наша специфика в том, что из системы никто и никуда не уходит...

Я начал понимать. Я – умный, намеки на лету хаваю. Украина и Сирия очень многое изменили. ГРУ, которое до этого было почти в стороне от финансовых потоков – сейчас село на них. А это всегда очень опасно, потому что у нас разделять службу и бизнес не умеют. Долбины – должностные лица с бизнес-интересами. Такие есть в ментовке, в прокуратуре, в ФСБ даже есть – помните, печально знаменитый парад на Гелендвагенах? Но после Украины и Сирии, после создания ЧВК типа Вагнера и Гранита – долбины появились и в армии, и что еще опаснее – в ГРУ. Заработанные большие деньги – они теперь конвертируют во власть. Я не знаю, как – но я знаю, что это так, потому что я знаю систему.

Там где появляются большие деньги, система очень быстро превращается в мафиозную. Заработали, начали покупать должности, выдавливать. Что еще хуже – те, кто побывал на Украине, видели, как дела делаются там. И не могли не подумать – а мы чем хуже?

Вот и задаешься вопросом – а так ли уж был неправ товарищ Сталин, который обрушил на вернувшихся из Испании военспецов каток репрессий. И так ли они были невиновны – такие как Павлов, Рычагов...

– Сейчас ты где?

– Действующий резерв. И в связи с этим – у меня к тебе

дело...

– Какое?

– По твоему профилю. Аргентина.

Уже интересно

– А конкретнее?

– Вот, посмотри...

Слон передал мне телефон, я начал просматривать досье, в то время как Слон – комментировал:

– В декабре 2016 года в Аргентине, на территории российского посольства был обнаружен готовый к отправке кокаин, почти четыреста килограммов. Наши идиоты сообщили в полицию Аргентины. Подготовили специальную операцию, кокаин подменили, чтобы проследить путь транспортировки. Курьера взяли в Москве, им оказался технический сотрудник посольства.

– Четыреста килограммов – и технический сотрудник посольства? – не поверил я

– Слушай дальше. Курьер указал на двоих сотрудников МИД, которые по его словам были замешаны в поставках. И успел сказать, что эта поставка – была уже восьмой по счету. При перевозке спецавтомобиль подвергся нападению, курьер погиб. Оба сотрудника МИД, на которых указал курьер – скрылись. Один из них – по нашим данным всплыл в США, где получил политическое убежище.

Я начал понимать.

– В обмен на информацию?

– Именно. Во время крайней встречи Волкера и Суркова по Украине в Риме – нам дали посмотреть интересное видео. Где бежавший сотрудник МИД сознается в том, что в российском МИД существует организованная сеть нарко-траффика и кокаин дипломатической почтой распространяется по всему миру. Короче говоря, вариант Родченкова. Что это значит – тебе не надо объяснять?

Да какие тут объяснения...

Наркотики – это красная карточка, такое никто терпеть не будет. В свое время США вторглись в Панаму чтобы скинуть диктатора Норьегу который крышевал наркотраффик. С наркотиками связаны несколько скандалов в самых верхах мексиканской политики. Если теперь к этому пристегнут и Россию – это полный п...ц будет. Тем более что наркоскандал подозрительным образом наложился на дело Родченкова – беглого спортивного функционера из России, который был уличен в том, что, будучи главой допинговой лаборатории – продавал спортсменам допинг, который потом сам же не обнаруживал. Опасаясь ареста и приговора, он бежал в США, где, отмывая себя, начал городить всякую чушь про тотальный допинг, что вскрывались пробирки, которые в принципе невозможно вскрыть. Американцы начали раскручивать это дело – причем по своим законам, с предоставлением Родченкову статуса защищаемого свидетеля, к которому не имеет доступ защита. По меркам нашего да и вообще любого нормального правосудия, свидетель обвинения, к

которому не допускают защиту, не разрешают провести перекрестный допрос в суде – это полный п...ц. Но по американским меркам это нормально. Скандал с Родченковым убедил весь мир, что русские нечестны, и только и думают, как бы нажраться допинга. Родченков договорился до того, что лично Путин приказывал давать допинг спортсменам. А теперь нас будут обвинять в организации наркотраффика. Такое обвинение может привести к чему угодно, даже к исключению из Совбеза ООН.

Интересно, кстати, кто сообщил в аргентинскую полицию, что на территории российского посольства обнаружен кокаин? Это или очень глупый человек, или в чем-то замешанный. Посольство России – это территория России, аргентинская полиция даже войти туда не имела права. И если на территории посольства обнаружено полтонны наркотиков – надо не в полицию звонить, а в Москву чтобы присылали следователей разбираться. Это наше дело, а не аргентинцев, твою мать.

– Официально мы действовать не можем. После провала белорусов приходится думать, что вся структура скомпрометирована, и заинтересованные люди – на самом верху. Поэтому принято решение действовать только по неофициальным каналам.

Я понял.

– Ты предлагаешь мне поговорить с доном Хосе?

Дон Хосе Мария Франсиско Агирре. Ушедший на покой

лидер колумбийского наркокартеля, сейчас он проживает в Уругвае. Я его знаю по переправке долларов в Аргентину. Я спас его родственника в Одессе – и потому он мне должен.

– Не предлагаю, а прошу. Нужно понять, откуда на территории посольства взялся кокаин, кто его продает и кому. Почти полтонны – это не шутка.

Какие тут шутки? Это пятьдесят миллионов долларов. У простого технического служащего МИД таких денег нет, да и у министра вряд ли есть. А если дали на реализацию, без денег – должны быть связи, просто так никто не даст.

– Дон Хосе скорее всего, не будет говорить.

– Спроси его, какова будет цена его слов. Мы готовы платить.

Ясно. Земля под ногами загорелась.

– Еще одно. При чем тут белорусы? Что за провал?

Слон скривился.

– При том. Ты понимаешь, мы не могли действовать сами. В случае провала любые наши действия можно было бы истолковать, как попытку замести следы. Вышли на Батьку, попросили помочь, тот привлек Шилина. Шилин послал двоих опытных людей разобраться, оба со знанием Латинской Америки, работали там. Их убили в аэропорту Каракаса...

Информация к размышлению

Признаки наступления «особого периода»

1. Резкое и интенсивное нарастание идеологического и пропагандистского противостояния, при этом характер пропагандистских «вбросов» становится резко наглее, на грани и за гранью фола.

2. Нарастание политических провокаций.

3. Резкая активизация работы спецслужб вероятно-го противника, активизация разведывательной работы, спецопераций, в т. ч. и диверсионно-террористической направленности.

4. Скрытые мобилизационные мероприятия вероятно-го противника, развертывание центров военно-технической разведки вблизи наших границ, развертывание центров МТО и боевого обеспечения, выдвижение инженерных подразделений.

5. Нарастание военных провокаций.

6. Мобилизация и переброска армии противника.

7. Объявление особого периода.

Минск – Вильнюс – Стамбул – Буэнос-Айрес. 01–02 марта 2018 года

В Буэнос-Айрес мы летели долгим путем, занявшим у нас более суток, но обошедшимся довольно недорого – вдвое ниже, чем через европейские стыковки. Из Минска мы лететь не решились, доехали машиной до Вильнюса, там купили билеты на «Туркиш Эйрлайнс», со стыковкой в Стамбуле. До Стамбула самолет был полон, летели в основном турки. Для них здесь дешевый вариант Европы – в Минске можно поиграть в казино, в Риге и Вильнюсе – покушать и посмотреть достопримечательности. Ну и бабы. Прибалтика – нищая, 50 евро хватит – не на час, а на всю ночь.

В Стамбуле в аэропорту были приняты повышенные меры безопасности – но все это искупалось самолетом, который нам подали для трансатлантического перелета. Аэробус-330, совсем новый. Удобно, чисто – летим, как белые люди ...

На следующий день мы приземлились уже в Буэнос-Айресе.

Первое что я заметил – нет менял. Когда я жил и работал в Буэнос-Айресе – здесь было полно менял, потому что было запрещено менять доллары. Точнее не запрещено – были ограничения, был черный курс. Собственно, вся моя биз-

нес-схема заключалась в том, что я брал у дона Хосе наличку с улиц, переправлял ее через залив из Монтевидео сюда, и пускал в оборот, на аргентинские улицы. На этом деле я зарабатывал примерно полтора миллиона долларов в год. Больше трех миллионов и сейчас лежит у меня на безопасных счетах, плюс миллион мне должен был перечислить дон Хосе...

Но теперь, судя по возне у обменников, лафа закончилась, ограничения сняты и просто так деньги на деньгах не зарабатываешь. Я слышал, что новый президент хотел отменить ограничения – вот, похоже, и отменил...

Остальное – все было так же, как и раньше. Черно-желтые такси, автобусы, непрекращающаяся суэта... Как и не уезжал.

Из аэропорта можно добраться в город разными способами, но самый простой – автобус, который здесь зовется «коллективо». Подойдет 33-й, 37-й и 45-й, ходят они часто. Проезд на наши деньги меньше двадцати рублей без ограничений. Здесь всё дешево...

Я чувствовал себя, как рыба в воде, как и не было ни Украины, ни минского СИЗО. Слон же оглядывался по сторонам – обычное дело для тех, кто попадает в Буэнос-Айрес, люди представить себе не могут, что и тут, на другой половине Земли – есть жизнь.

Поехали до конечной, плайя Конгрессо. Пока ехали, я сидел и думал. Я все-таки государственный, и Слону соврал. А

в полете были российские фильмы и сериалы, я нашел новый совсем – Троцкий. Троцкого, кстати, отлично знают в Латинской Америке, он намного популярнее Ленина, его фото можно до сих пор увидеть в студенческих общагах. Так вот – снято отлично, но больше всего меня потряс эпизод, где Ленин рассказывает Троцкому про дворника, который считал, что все зло в этом мире от книг, что от книг можно ослепнуть. Он рассказывает, как смеялся над ним, а потом говорит – а может он был прав? Может, мы слепы?

Это сложно объяснить, но в том, что происходит на Украине... на всем постсоветском пространстве – виноваты книги. Те книги, что мы прочитали, и решили, что то, как мы жили раньше, неправильно. А надо – правильно. Это дорого нам всем обошлось.

Раньше ведь как то уживались... да по-братски, как-то. Потом решили что так не дело, надо быть суверенными. Стали суверенными. Потом появились политтехнологи – это ведь они в немалой степени несут вину за вражду, разожженную между народами. Потом появились «сакральные знания», на Украине – из львовских библиотек, о том как хорошо было жить при Франце-Иосифе, и как бедных украинцев веками угнетали русские. И читая эти книги – мы и в самом деле ослепли. Мы не можем посмотреть друг на друга, и увидеть, что мы почти одинаковые...

А в конце дороги той – плаха с топорами...

Это уже из другой песни...

Сели на другой «коллективо», добрались до порта – там очень удобно, в «коллективо», хорошо видно, не следит ли кто. Пешком добрались до нашего с Юриком офиса...

Юрик, кстати, мертв. Его гражданская жена тоже мертва. Их приказал убить дон Хосе.

До этого Юрик предал меня, предложив Пивовару деньги, чтобы я никогда не вернулся из Киева. За это их и убили.

А в конце дороги той – плаха с топорами...

Офис никто не занял, обстановка вся была на месте – только пылью покрыто все. Я помнил, где запасной ключ...

– Заходи, располагайся...

– Это что, твое?

– Да.

Слон с интересом осмотрелся.

– Нормально...

– Нормально. Только уборку надо сделать. И... посмотри, что в холодильнике. Наверное, выкидывать все надо...

Слон заглянул в холодильник, скривился.

– Точно... сгнило все.

Я достал мешок для мусора, вместе мы выгребли все из холодильника.

– Поехали?

– Куда?

– Пожрать купим.

...

Мясные лавки в Буэнос-Айресе называются «парильяс», и

они здесь – все равно, что маленькие храмы культу мяса, который объединяет эту страну. Аргентинцы едят мясо, здесь это национальное блюдо, и мы тоже будем есть мясо, пока есть возможность его есть. Мясо тут не мороженое, как у нас, и не одни жилы и кости, как нам нередко подкидывают в магазине и на рынке. Здесь мясные породы скота, и мясо здесь настоящее. Причем аргентинцы едят его как угодно, и шашлык делают, и просто жареное мясо. В парильяс – тебе и свежего отрежут, и поджарят если надо. Конечно, надо знать места... но худшая мясная лавка здесь – примерно как лучшая в Москве.

Лучшую мясную лавку из мне известных держал грек по имени Коста. Его отец бежал из Греции от режима черных полковников, открыл тут греческий ресторанчик и прогорел – а вот Коста открыл мясную лавку и ресторан, и дела у него шли неплохо – будь в рынке, соответствуй рынку – это называется. Лавка находилась в месте, со зловещим названием Палермо, недалеко от посольства США, это у самого побережья. Палермо это место называлось, потому что тут и в самом деле селились выходцы из Сицилии, но грек быстро нашел с ними общий язык. Заведение рассчитано было на туристов, питались тут и посольские.

Ресторан был внешне не очень примечателен – первый этаж, это и ресторан и лавка, ничего пафосного, кроме того, чем тут на самом деле кормят. У Косты была большая семья, и он никого не нанимал, увидев меня, он сильно обрадовал-

ся...

– Синьор Алехандро! Давно же вас видно не было!

– Привет, Коста.

Мы обнялись.

– Это синьор Элефанте. Он мой друг.

– Странная фамилия, добро пожаловать...

Буэнос-Айрес это город, где нет «местных» и «приезжих», приезжие тут все и из самых разных мест, потому странным фамилиям никто не удивляется, и ксенофобии тут нет совсем. Ритуал объятий повторился.

– Что-то давно вас не было...

– На родину ездил, Коста. Вот, подзадержался.

– Родина это хорошо, синьор Алехандро.

– Я смотрю, доллары тут больше никому особо и не нужны?

– Да как сказать, синьор Алехандро...

Я положил на стол сто долларов.

– Сделай нам по два своих хотдога, настоящих, с острым соусом... колбасы сухой пару килограммов, хорошей, с перцем и еще колбасок для гриля... килограмм скажем. И еще... та сумка все еще у тебя?

– Разумеется, синьор Алехандро...

– Мы посмотрим...

– Эухения! Эухения, проводи!

Колбаски для жарки на электрогриле тут из мяса и кишок, никакой химии, никаких консервантов, и делают ее не из мяса третьей категории, а из свежатины. Колбаса тут только копченая или вяленая, про нашу Докторскую из «мяса птицы механической обвалки» тут слыхом не слыхивали. Даже если вы закажете такую прозаическую вещь как хот-дог – в аргентинском хотдоге будет сосиска из настоящего мяса...

Эухения, жена сына Косты, уже настоящего аргентинца – проводила нас в кладовую... там пахло свежей убоиной – получали мясо они каждый день и все уходило. Когда она ушла – я подставил ящик, стащил с большого промышленного холодильника (а морозильника тут не было) большую сумку – даффлбэг. Вжикнула молния, я достал из сумки знакомый половине стрелков на свете пластиковый кейс, на котором было выдавлено GLOCK. Там лежал сам пистолет, два магазина к нему и коробка патронов.

Вторую точно такую же коробку – а их тут было восемь штук, я оптом при случае партию купил – я передал Слому.

– Держи.

– Ты чего?

– Держи, держи. Лишним не будет.

– Не я – пас. Еще вляпаться не хватало. Разрешения нет...

– Бьют не по паспорту, а по морде – знаешь? Здесь все

намного проще, чем у нас. Бери.

Слон покачал головой.

– Пока не возьму.

– Как знаешь.

Я забросил сумку обратно, мы вернулись в зал, нам уже собрали заказ. Я расплатился.

– Если синьору Элефанте что-то потребуется в сумке, пусть возьмет что ему надо. Ну и... поможешь ему добрым советом, хорошо, Коста? Накормишь... он тоже мясо любит.

– Непременно, синьор.

* * *

Вернулись в офис, прибрались более-менее, хотя бы пыль смахнули. Пожарили мяса, вино, которое купили по дороге, выпили – бутылка на двоих, слезы. Потом стемнело – в город вышли...

Буэнос-Айрес просто прекрасен, по мне так это лучший город Латинской Америки, и не просто так я вытащил Слона вечером прогуляться. Это город, построенный богатыми людьми для богатых людей, он не рос из трущоб, здесь почти нет местных индейцев, все население страны – с кораблей, как они сами говорят. Потомки эмигрантов, полностью европеизированное население. Здесь метро появилось на девять лет раньше, чем в Петрограде появился трамвай, в 1898 году. Здесь архитектура начала века столь богатая, что можно

снимать фильмы про Америку 30-х без декораций. Европы здесь больше чем в США или Канаде, не говоря уж о других странах Нового света. Сами аргентинцы в большинстве своем считают себя европейцами. В 1913 году валовый доход на душу населения здесь был больше чем в Германии.

Наконец, аргентинцы сами по себе красивые. Здесь намного меньше толстяков, чем в США, здесь принято следить за собой. Местные девушки просто очаровательны в большинстве своем и не стесняются показывать свою красоту – здесь принято, что женщина берет инициативу в отношениях, мужик может до сорока лет с мамой жить и это нормально. Наконец, во многих странах Латинской Америки – полно индейцев и метисов – а тут их нет совсем, только если беженцы и вынужденные переселенцы из разных стран. Здесь только потомки европейцев – и итальянцев намного больше чем испанцев. Чистая кровь. Тот, кто тут модельное агентство откроет – озолотится.

Почему же тогда Аргентина не может стать одним из столпов этого мира? На мой взгляд, тут несколько причин. Первая – первая, а потом и вторая мировые войны очень не вовремя оборвали эмиграцию. Аргентина стартовала примерно на пятьдесят лет позже США, и когда США сформировали свое общество и закрывались – Аргентина только начинала разбег. Те, кто из-за перенаселенности должен был эмигрировать из Европы сюда – погибли в чудовищной бойне. Аргентина восьмая в мире по территории и тридцать вторая

по численности населения, все-таки сорок два миллиона человек для такой страны – это очень мало. При том – пятнадцать, а то и все двадцать уже миллионов – живет либо в Буэнос-Айресе, либо вокруг него.

Во-вторых – во вред Аргентине сыграло то, что тут всегда жили слишком хорошо. Эта страна не воевала сто пятьдесят лет. Здесь никогда не хотели идти войной на Бразилию, или возвращать Уругвай, который когда-то был частью Аргентины. В итоге – не было сверхнапряжения сил как в Европе, как у нас – и страна постепенно скатывалась к провинциальности. Рассказы о таких событиях как Курская Дуга или ущелье Пандшер или штурм Грозного – вызывают в аргентинцах ужас. Они просто не представляют себе такого. В 1982 году они проиграли Великобритании, хотя могли и выиграть, сражаясь у себя на пороге. СССР снабжал аргентинцев данными космической разведки, а Перу уже прислало штурмовики СУ, которые стояли на аргентинских аэродромах, готовые к взлету. Просто они не готовы были идти до конца, как были готовы британцы. Хотя предлагало помощь не только Перу.

В третьих – неолиберальные реформы помогли. Местного Гайдара зовут Карлос Менем.

В четвертых – мужики. Я уже говорил – тут мужики до сорока лет с мамой живут и вообще сильно себя не утруждают ни в чем. Они с юга. Это чувствуется. Почему все страны, входящие в мировую элиту – северные? Потому что на севере, если ты не построил теплый дом, не сделал заготов-

ки на зиму, не вовремя убрал урожай – ты умрешь. И это знание – в генах, оно передается из одного поколения в другое, заставляя крутиться. А тут – южане, тепло, можно жить в хибаре, земля плодородная, палку воткнешь – растет, чего утруждаться. Они и не утруждаются. По нашим, русским меркам все местные – хронические лодыри.

Ну и последнее – здесь никогда не знали понятия «порядок». Здесь была диктатура – но никогда не было своего Сталина. Ужас перед всепроникающей государственной машиной – неведом даже в тех странах Латинской Америки, где были диктатуры. Хотя Аргентина по латиноамериканским меркам пострадала сильно – на весь мир известно выражение «аргентинский вариант», когда группы военных, не получая приказов и не отчитываясь в их исполнении, похищают и убивают леваков и вообще всех, кто им не нравится. В семидесятые – Аргентина стояла на пороге социалистической революции, но военные сломали страну и общество через колено. Хотя... тот же Ежов сильно посмеялся бы аргентинской любительщине... не то, что пыточный конвейер НКВД и ГУЛАГ.

Почему я говорю про Ежова, про НКВД и ГУЛАГ? А потому, что когда ты попадаешь в такую страну как Аргентина – ты начинаешь понимать, как могло бы выглядеть твоё общество, твой народ, если бы с ним этого не случилось. Мы – несем свой крест, как и аргентинцы – свой. Как там говорил Мамардашвили...

Ибо в социальном механизме предполагается – и знаю, что устроено так, и могу на это положиться. А в личном, то есть в том, что растет из своей тени, из своего непонимания, – нельзя отложить на завтра...

Да, я читал Мамардашвили. Хотя может быть, лучше бы не читал...

Но в Аргентине есть и много хорошего. Про мясо я уже говорил— цены тут примерно как в Москве или чуть выше – но качество не сравнить. По сравнению с ними мы питаемся с помойки, платя при этом, как они. Про то, что нет ксенофобии я тоже говорил – удивительно открытое общество, здесь никто не скажет тебе – убирайся тебе тут не место. Паспорт сделать – два года легального пребывания и ты гражданин, при этом к паспорту прилагается безвиз на сто семьдесят стран мира. Больше такого паспорта – нет ни у кого. Получить загранпаспорт – сорок минут (это не шутки), большинство документов тут делается через интернет, высылается по почте, про нашу бюрократию – тут никто не верит, что может так быть. Водительские права можно получить за сутки, если умеешь водить. Есть право на оружие, в том числе короткоствол – и никаких сейфов, полиция к тебе не ходит. В стране полно мест с хорошей охотой.

Образование бесплатное, включая и высшее и даже для иностранцев – только поступай. Причем диплом принимается и в Европе и в США без подтверждения. Медицина бесплатная – вся. Есть и частные школы, и частные клиники –

но государственные ничуть не хуже. Билет на автобус на наши деньги рублей десять, по-моему...

Почему так? Потому что у них нет Холодной войны. Говорят, они попали в ловушку среднего дохода и не могут никак из нее выбраться. Но я подозреваю – многие хотели бы тоже так попасть. Да не всем в раю найдется место...

Удмурт. Буэнос-Айрес – Монтевидео – Пунта дель Эсте. 03 марта 2018 года

Утром я уже был в порту, чтобы сесть на скоростной паром «Букебус», который шел через залив в город Монтевидео, столицу соседней страны.

Здесь тоже было заметно, что времена изменились: паром шел полупустым. Когда я здесь работал, эти паромы ходили набитыми битком: люди направлялись в соседнюю страну, чтобы обналичить долларовые карточки. И так изо дня в день...

Нет, мы все-таки очень похожи с аргентинцами, хотя это и сложно заметить. И у них и у нас – суровость закона компенсируется необязательностью его исполнения. Я не знаю ни одного закона в Аргентине, который бы досконально исполнялся...

Теперь большинство на пароме составляли уругвайцы, все темы разговоров были про футбол. Кстати, вы знаете о том, что первый чемпионат мира по футболу прошел в Уругвае и Уругвай же его и выиграл. И они когда-то были богаче Германии...

От порта я взял частника, который подбросил меня до дома...

Всё на месте. Мой бронированный Форд на стоянке. Супермаркет – «супермеркадо», высотки – муравейники, как перенесенные из Бутово или Саларьево.

Дома тоже всё было на месте – как и не уезжал вовсе.

Достал бутылку кашасы, бразильской тростниковой водки. Пить или не пить – вот в чем вопрос?

И где моя жизнь? Там? Или здесь?

Если здесь – то почему я все время вляпываюсь в то, что происходит там? Нет, не надо говорить о том, что меня попросили или наняли. Мне и в самом деле интересно – а что там? Что происходит там, на континенте, который я оставил? Какие темные страсти кипят там, кто и кого убивает? Оттого-то я и оказываюсь там все время, когда кипят эти страсти и льется кровь – вместо того чтобы забыть этот ужас, как страшный сон. Отречься от него.

У каждого тьма своя...

...

Утром – я встал рано, в шесть утра, оскорбительно трезвый – и поехал в Пунта дель Эсте – колонию на берегу Атлантического океана, которую группа инвесторов застраивает, пытаясь сделать из нее международный курорт, а может, и новый город для богачей. Там сейчас шла массовая застройка – второй Панама-Сити, конечно, не получится, но курорт международного класса – вполне. Многие туда вкладываются, как и сам Уругвай. Страна XXI века...

...

Дон Хосе так же был на месте. Как и его яхта, с которой он ловил рыбу. Но сейчас – я застал его на строительной площадке, где он наблюдал строительство кондоминиума.

– Ваш? – спросил я.

– Да... – дон Хосе говорил негромко, но его слышали все, даже постоянно держащийся рядом израильский телохранитель Цви.

...

– Настало время подумать о вечном...

Дон Хосе засмеялся, но смех перешел в кашель. Он промокнул рот.

– А вечное, мой друг – это вот это. То, что останется с людьми, когда тебя уже не будет. Пусть человечество извинит меня, но у меня не нашлось воображения на что-то другое...

Дон Хосе убрал платок в карман. Я мельком заметил розовый след... плохо дело.

– Я даже догадываюсь, зачем ты приехал. Та история с посольским кокаином? Все никак не успокоятся?

– Именно.

– Что ты хочешь?

– Узнать, кто продавал.

– Зачем тебе?

– Заменяв одного человека на другого в посольстве – ничего не прекратится. Нужно остановить поставки в принципе. И понять, насколько далеко всё зашло.

– Ты понимаешь, о чем меня просишь?

– Я не полиция. У меня нет желания наказывать кого-то из поставщиков. Меня интересуют только свои.

– А кто тебе свои?..

Хороший вопрос

– Русские... – ответил я

Дох Хосе помолчал. Недалеко от нас с шумом разгружался бетоновоз.

– Я задам вопросы. Но если мне на них не ответят, то и я не смогу тебе ответить.

– Хорошо. Но вы можете передать наше пожелание – пусть прекратят. Тогда – вопросов к ним не будет. У нас.

– Хорошо...

Дон Хосе сделал слабое движение рукой, Цви оказался рядом.

– Цви, посели нашего гостя...

...

Цви поселил меня в Арт-отеле, который, если и не вытягивал на пять звезд, то очень старался. Там я постарался просто выспаться – за все время... за Украину, за тюрьму. Ждать пришлось недолго – уже к следующему вечеру я увидел долговязого израильтянина в куртке с обрезанными рукавами.

– Едем? – спросил я.

Цви покачал головой.

– Давай, прогуляемся.

– Что ж, давай.

Прогулка обещала быть интересной – хотя бы тем, что с нее мог не вернуться один из нас. Интересно, кто это будет...

Глок – при мне.

Мы пошли по улице. Красиво, тихо, огоньки перемигиваются во тьме. В свое время эту страну называли «Латиноамериканская Швейцария» – хотя больше под это определение попадают некоторые приандские районы в Аргентине. Например, Сан-Карлос де Барилоче.

– Дон Хосе просил передать – он связался с людьми, которые... решают такие вопросы. Они ответили ему, что таких вопросов ни с кем из русских они не решали.

А вот это уже интересно...

– Они могли солгать дону Хосе?

– Это бы им дорого обошлось, и они это знают.

Я чуть замедлил шаг.

– Может быть, со стороны покупателей были не русские... скажем, испанцы.

Цви снова покачал головой.

– Когда речь идет о такого рода поставках, никто не торгует вслепую. Нельзя просто так прийти и попросить продать полтонны. За такую просьбу тебя сочтут агентом под прикрытием и отправят к рыбам.

– Мексиканцы? Венесуэльцы?

– Никто не мог продать в обход людей, у которых спросил дон Хосе.

– Цви... как же тогда в нашем посольстве оказалось четы-

реста килограммов?

– Я не знаю. И дон Хосе не знает.

Цви помедлил.

– Но я лично – дам вам один совет.

– Какой же?

– В Испании – есть место под названием Золотой берег. Коста Дорадо. Там живет синьор, который известен как Дэвид Бернштейн. Очень богатый синьор. И очень скрытный. У него так же есть квартира в Мадриде, он в последнее время часто проводит время в столице. Поговаривают, что он никакой не Дэвид. Скорее Давид.

– Вот как?

– Да. И дела у него в последнее время – идут все хуже и хуже. Настолько, что он ищет, кто бы ему оказал помощь. Против его врагов, которые почти добились его.

...

– И если ему оказать помощь, то он может в благодарность рассказать много чего интересного...

Ну... на безрыбье и рак рыба. Похоже, дон Хосе не может говорить всё...

Но наводку – Цви мне дал.

Удмурт. Монтевидео – Буэнос-Айрес – Мадрид. 04–07 марта 2018 года

То, что случится с нацией, будет интегралом того, что каждый из нас взял на себя

Мераб Мамардашвили

Бешеной собаке – семь верст не крюк.

Из Буэнос-Айреса в Мадрид был прямой рейс, как и во все латиноамериканские города. Памятник когда-то бывшей империи.

В самолете я выбрал несколько книг из онлайн-библиотеки – в основном французские философы – и читал их. Это не чтение, это отравка для души, я знаю. Но читать что-то легкое не хотелось.

А вообще – весело. Новость последнего часа – в Великобритании отравили неизвестным веществом бывшего сотрудника ГРУ, ставшего предателем, Сергея Скрипаля и его дочь. Они госпитализированы в тяжелом состоянии, госпитализирован так же и полицейский, который их нашел. На место вызвали бригады дезактивации. Подозревают Россию, хотя пока нет ни понимания, что произошло, ни мотива. Хотя нет, мотив есть, только не совсем такой, если взглядеться. В России выборы восемнадцатого числа и на них побежда-

ет совсем не тот кандидат, которого хотел бы видеть Запад. Вот и валяются провокации как из мешка – Родченков, затем кокаин, теперь вот – это. Цепочка выстраивается красивая – Россия применяет допинг, Россия торгует наркотиками, теперь Россия убивает в западных городах.

Это кстати, свое название имеет – особый период. Предвоенное положение, один из признаков которого – резкое количественное и качественное нарастание провокаций со стороны противника. Задача – сформировать общественное мнение, убедить простого западного обывателя в том, что война против России, неважно какая – горячая и холодная – важна и нужна. Правда, ни те, кто убеждает, ни те, кого убеждают – не представляют себе, что такое война.

Я то, например, представляю. И многие в России представляют. Я своими глазами видел расхлестанный снарядами Грозный, где на каждом шагу поджидала смерть. И многие это видели. А в той же Великобритании, которая сейчас вне себя от возмущения, война – это что-то вроде битвы против орков на экране телевизора. Представить себе руины собственного дома или улицу, полную вдов и сирот, – они не могут.

Хреново все. Очень хреново. Все сильно похоже на Европу образца 1913 года – семьдесят лет без войн, и люди забыли что-то. Ввалились в самую страшную в истории человечества войну – а по сочетанию кровавости и бессмысленности эта война страшнее ВОВ – и даже на секунду не по-

думали. Потом... потом надо читать великих... того же Ремарка, Цвейга – чтобы понять, как это было. Цвейг пишет про одного священника с санитарного поезда... он не мог соборовать умирающих, потому что кончился елей. И морфий тоже – кончился. Вот он тогда и сказал – я никогда не мог себе представить, что человечество способно на подобное преступление.

Хреново все. Очень хреново. Но это не значит, что каждый из нас не может что-то сделать, чтобы ужас не вернулся. Окажись в нужном месте и в нужное время. В новом Сараево. Схвати за руку убийцу, пока он не свершил свое зло.

То, что случится с нацией, будет интегралом того, что каждый из нас взял на себя...

...

В Мадриде у меня никого не было. Но это не значило, что здесь нельзя работать.

Первым делом я навел на частного детектива. Точнее – детективное агентство. Называется «Монополия», существует с 1962 года, предлагает стандартный набор услуг – «пробить по базам» делового партнера, последить за ребенком, не покупает ли он наркотики, собрать доказательства неверности супруга для развода, найти пропавшего человека или вещь. В отличие от меня, у него есть легальное право собирать информацию о ком угодно, и доступ к базам данных. Я заказал сбор информации о Дэвиде Бернштейне, предъявив визитную карточку и сказав, что собираюсь заключить

с ним договор об оптовых поставках вин из Аргентины. Надо пробить партнера, что на него есть. Со мной заключили стандартный договор и взяли задаток.

Потом я поехал селиться.

...

Поселился в отеле среднего класса, неприметном, для бюджетного туриста. В ожидании, пока будет информация про Бернштейна – я прогулялся по Мадриду... если есть время, по городу надо пройти, город надо запомнить, нельзя находиться в городе и не знать, что находится за углом... Рано или поздно это плохо кончится. Мадрид красив... стилиен... думаю, в будущем он заменит Париж, как столицу вина и любви. Париж сейчас гибнет под натиском негритянской и мусульманской орды... их социалисты приняли слишком много законов о пособиях, и теперь в страну ринулись все, от негров из Сомали, которым есть нечего и до беженцев из Афганистана. В Париже всегда были мусульмане... те же турки – но они занимали свою нишу, и они работали, пытались заработать, интегрироваться в социум. Эти же ничего не делают, кто-то годами живет в палатке и гадит в ближайший фонтан, а кто-то рождает четырех детей и живет на пособие, которое в этом случае просто огромно – привет Миттерану и французским коммунистам. И когда ты приезжаешь в Париж и видишь не изящных парижанок в коротких юбках, а арабских матрон по сто двадцать кило весом в парандже – сразу хочется уехать. В Мадриде этих матрон нет – тут и на-

род посплоченнее и пособий таких нет, и заработки поменьше – вот беженцы здесь и не оседают. Приятно видеть европейскую страну, какой она должна быть...

Ближе к вечеру зазвонил телефон, я купил его тут же, в аэропорту, предъявив паспорт на фамилию Рохас – настоящий, аргентинский⁴. Номер не определен.

– Синьор Рохас?

Голос был женским. Незнакомым.

– Да, кто это?

– Меня зовут Мануэла, я из агентства. Мы можем встретиться?

Быстро.

– Где и когда?

...

Мануэла оказалась настоящей очаровашкой – кудрявые волосы, лукавые глаза, стройная фигура. Возможно, это один из приемов агентства – ну вот как откажешься подписать отчет такой красунье?

Мы встретились в одной из таписерий, местных закусовых. Вкусно, дешево и не привлекает внимания. Таписерия – местная достопримечательность, в средние века один из королей, которого беспокоило необузданное пьянство его солдат, издал указ, что держатели харчевен обязаны к заказан-

⁴ Аргентинский паспорт очень удобен. Во-первых – ждать всего два года. Во вторых – безвиз почти с двумя сотнями стран, наследие бывшего богатства Аргентины

ной выпивке бесплатно подавать тарелку с закуской. Держатели харчевен заказали маленькие тарелочки, и стали накладывать туда всякие дешевые закуски – одну две ложки. Так и появились таписерии, тапас – по-испански тарелочка. Они удобны тем, что дешево, и можно набрать всего, если одно не понравилось – ешь другое. Или пробуй все понемногу пока не найдешь что тебе по вкусу.

– Синьор Рохас?

Я заметил мотоцикл, на котором она подъехала... точнее, большой скутер. На одном боку у нее была большая сумка, на другом – профессиональный фотоаппарат.

– Он самый. А вы?

– Я Мануэла.

Она буквально грохнулась на стул напротив меня. Есть таписерии, где даже стульев нет, закусывают стоя – но тут были.

– Что вы заказали?

Я пожал плечами.

– Рыбное что-то.

– Отлично.

Она была вся, как на пружинах. Впрочем... молодость.

– Вы нашли себе не лучшего дилера, синьор Рохас.

Я невесело улыбнулся.

– Да я уже догадался.

– Вот, смотрите...

Ноутбук оказался передо мной.

– В основном это открытая информация, я только скомпилировала. Давид Бернштейн, родился в 1980 году в Киве, в 1989 году эмигрировал с родителями в Израиль. В две тысячи первом – первое привлечение к уголовной ответственности, отсидел два года в израильской тюрьме за жестокое избиение с криминальными мотивами. Сразу после освобождения – покинул Израиль, перебрался на Кипр, получил кипрское резидентство. С ним он и оперирует по всей Европе.

Известен только один случай, когда дело дошло до суда – он был привлечен за попытку переправить из Египта в Марсель почти полтонны кокаина – дело развалилось в суде, судя по всему, подкупили государственного обвинителя. Но я нашла как минимум семнадцать фактов, которые можно истолковывать как криминальные, но до привлечения к уголовной ответственности дело не доходило. Все дела связаны либо с наркотранзитом, либо с организованным рэкетом. Типичные занятия русской мафии.

Да уж...

...

"Не шелестите, каштаны!", – ветер доносит с полей.

Хочется матери старой вновь увидеть сыновей.

Кто это в серенькой кепке робко стучит у окна?

"Сын это твой". "Неужели?.." – счастья дождалась она.

"Что ж ты стоишь у порога, не зажигаешь огня?" –

"Ты постарела немного, милая мама моя!"

*Свечи горели рубином, праздничный стол был накрыт.
"Вот и дождалась я сына..."*, – ласково мать говорит.

...

Откуда по всему миру столько наших блатных?

Вопрос риторический.

– ... на сегодняшний день Бернштейн живет в Испании, у него есть недвижимость на Коста дель Соль. Министерство юстиции возбудило дело о выдворении Бернштейна из страны, но существует большая очередь такого рода дел и дело Бернштейна судья рассмотрит не ранее середины следующего года. Предсказать исход дела невозможно, он взял адвоката. Его адрес, адрес и телефон адвоката – все это есть в досье.

– Спасибо.

– И вот еще... мне показалась любопытной одна информация...

– Да?

– Есть такое место на африканском континенте – Мелилья, это экстерриториальный анклав Испании. Недалеко от Мелильи есть марокканский город Кодор – это настоящий ад. В городе полно контрабандистов, наркотранзитеров, переправщиков людей. Так вот, Бернштейн до прошлого года считался одним из королей Мелильи, у него там даже недвижимость была. Но с какого-то момента он туда не показывается... и ходят слухи, что его пытались убить.

Мануэла озабоченно посмотрела на меня.

– Это интересно?

– Очень. Можно личный вопрос?

Девушка помрачнела.

– У меня есть бойфренд, спасибо.

– Сколько лет вы работали в полиции?

– Нисколько. Я журналист – инвeстигейтор.

– Понятно. Давайте ваш отчет, я подпишу...

...

Когда Мануэла, отдав отчет и получив подпись, явно недовольная, уехала – я набрал номер агентства. Попросил соединить с начальством.

– Синьор Рохас, – голос был профессионально бесстрастным, полицейским, – вы нашли недочеты в отчете?

– Отчет составлен прекрасно.

– Да, мы бы хотели вам предложить...

– Я свяжусь с вами, мне нужны будут дополнительные услуги. Одно условие.

– Да, синьор Рохас?

– Мне нужно, чтобы этими услугами занимался кто-то с полицейским опытом. А не журналист – инвeстигейтор.

Заминка.

– Мы обсудим это, синьор Рохас.

– До свидания.

Но было уже поздно. Утром, когда я перезвонил в агентство – оказалось что меня ищет полиция.

...

– Как ее звали?

– Ортис. Мануэла Ортис

Человек, сидевший напротив меня был полицейским. Мне бы даже не пришло в голову спрашивать, а есть ли у него полицейский опыт.

Мануэлу убили... само по себе это было дико, но это было так. Утром ее нашла полиция. Судя по следам – ее мотоцикл сбила машина, затем ее вывезли за город, пытали, изнасиловали, потом убили. Для Европы – жестокость просто нереальная. Приходится так же предполагать, что те, кто это сделал, теперь знают и про меня. В отель я больше не вернусь, деньги и документы при мне, вещи в отеле я брошу. Перед тем, как прийти сюда, я больше часа кружил по улицам, спускался даже в метро, чтобы сбить хвост, если он был.

Вопрос, за что ее убили, у меня даже не возникал – начала задавать вопросы о Бернштейне и ее убили. Судя по жестокости – русская мафия.

– Вы ничего не заметили подозрительного при встрече?

Я пожал плечами.

– Да нет... по-моему, ничего.

– А почему вы попросили заменить инвентаризатора?

– Извините, но она мне показалась... чересчур молодой.

– Да... Молодость это в какой-то мере недостаток.

– Но он быстро проходит.

Бывший полицейский, которого я нанял, и который в свою очередь нанял Мануэлу, допил свой «кафе кон лече».

– Что же, агентство защищает своих клиентов всегда. Я не

упомяну о вас, когда полиция будет спрашивать.

– Благодарю

Бывший полицейский поднялся и ушел. А я – почувствовал, как внутри сжимается намертво пружина...

...

Купить пистолет – большой проблемы не представляло. Я узнал, где тут можно найти хорватов, и пообщался с ними. Хорваты контролируют нелегальную торговлю оружием и Европе еще со времен Тито. Стал обладателем двух Springfield XD, для американского рынка, новых совсем, видимо, ворованных с завода. Еще и с подготовкой под глушитель, резьба на стволе – очень кстати. Один пистолет для ношения, другой – спрячу. Глушитель мне тоже продали – правда, только один.

Вариантов произошедшего было два – либо убивает Бернштейн, либо отсекают любой интерес от Бернштейна. Во втором случае вопрос – кто? В то, что это чья-то разведка, верится с трудом. Никто не пойдет на то чтобы убить гражданина европейской страны просто так, походя. Значит, мафия. Вопрос, какая.

Бернштейн, судя по отчету – жил в Пуэрто-Банус – это рядом с Марбельей. Там марина, яхты дорогие, первая линия домов стоит очень дорого. Зашел в интернет, посмотрел – мне повезло, я нашел ту самую виллу, на которой жил Бернштейн – она сдавалась. Скачав информацию, я отправился в агентство и за наличные арендовал БМВ Х5. И купил еще

китайский квадрокоптер с камерой и пару камер для наблюдения, охотничьих – иначе в одиночку не уследишь. После чего – отправился в Пуэрто Банус.

...

Коста дель Соль – это «внутренний» берег Испании, выходящий на Средиземное море. Места обжитые, застроенные, сюда теперь переместилась во многом европейская светская жизнь из Ниццы. Почему? А потому что в Ницце – пособия для тех, кто родил четырех детей и больше платят такие же как в Париже. Понятно объяснил?

Мощные улочки, домики под старину – большинство новоделы. Выше – виллы, там цена от миллиона евро в кризис была, сейчас и за полтора ничего не купишь. Много рыбных ресторанчиков, вся марина заставлена яхтами, от небольших прогулочных и до суперяхт. Русская речь здесь слышится так же часто, как и английская – часто сюда семьи вывозят, в то время как отец рубает бабло в страшном Мордоре – путинской России...

...

За домом Бернштейна следили, причем довольно грубо и нагло следили, без каких-либо мер безопасности. Мне достаточно было проехать мимо, чтобы просечь. И это не полиция – полиция такие машины не использует. Ни один полицейский участок в Испании не вытасчит из начальства деньги, чтобы купить ЛандКрузер.

Вопрос в том, это охрана или бандиты...

...

В том, что это бандиты – я убедился, когда прогулялся пешочком для установки камеры. Потому что будь это полиция или частная охрана – они бы так службу не несли. Шансон бы не включали, так что на улице слышно, и пустую бутылку на улицу из машины не выбрасывали бы. Быдло конченное, откуда только такие берутся в Евросоюзе? Им бы дальше средней полосы и не выезжать, не позориться.

Кстати говоря...

Зашел через телефон в интернет, поискал номер местного отделения полиции. Я свободно говорю по-испански, грех это не использовать...

– Полиция.

– Да, синьорита...

– Чем мы можем вам помочь?..

– Понимаете, я проезжал по улице... и из стоящей у обочины машины прямо мне под колеса выбросили пустую бутылку. Стеклянную бутылку. Я попытался с ними поговорить, но они... кажется, это русские бандиты.

– Успокойтесь, синьор. Где это произошло?

Я назвал улицу и примерно номер дома.

– Мы пошлем туда патруль. Вы не пострадали?

– Нет, просто... они так себя ведут...

Я оборвал разговор на полуслове, достал из телефона СИМку и аккумулятор. На всякий случай.

...

Полиция в Испании работает точно еще со времен Франко.

Через несколько минут появился автомобиль, причем не полиции, а Гвардиа Сивиль, военизированной полиции⁵. Увидев джип, он замигал огнями, взвыл сиреной, резко ускорился и перегородил дорогу Ланд Крузеру. Я со злорадством наблюдал за этим через видеокамеру, выведенную на телефон.

Сначала – гвардейцы не могли достучаться до братьев по разуму в джипе, те заперлись и не выходили. Появилась еще одна машина Гвардии.

Потом появился тип на БМВ-седан – судя по костюму, который здесь никто не носил – адвокат. Адвокат здесь профессия первой необходимости, потому что многие из здесь живущих – либо пытаются получить гражданство и живут в ожидании иммиграционного решения, либо находятся в розыске и живут, борясь с попытками экстрадиции. И так и так нужен хороший адвокат...

Адвокат этот сначала пытался накидываться на гвардейцев, потом достал телефон и начал куда-то звонить, потом предпринял попытки вступить в контакт с братьями по разу-

⁵ Полицейская структура, относящаяся к Минобороны страны, но в основном выполняющая те же полицейские функции – это не внутренние войска как некоторые ошибочно считают. Различия в основном в историческом происхождении полиции и гвардии. В отличие от обычных полицейских сотрудники гражданской гвардии считают военнослужащими и проживают в казармах на военном положении. В последнее время говорят о слиянии Гвардии Сивиль с полицией.

му в машине. Попытки увенчались успехом – адвокат сел в машину и целая кавалькада тронулась с места. Сначала машина гвардии, потом Крузер, потом БМВ с адвокатом, потом еще одна машина гвардии. Поехали в участок, оформляться.

Меня же больше интересовал второй пост наблюдения – когда-то он будет меняться, верно? И еще – я понял, что те, кто в этих машинах – не охраняют дом и Бернштейна, а сторожат его. За все это время разборок с гвардией – ни люди в Крузере ни адвокат не попытались выйти на контакт с домом, и из дома тоже не попытались ничем им помочь. Это чужие люди, враги.

...

Второй Крузер тронулся через час с небольшим – после того как ему на смену встал микроавтобус Каравелла. Меня это начало беспокоить – сколько же их тут? Три машины, в каждой как минимум – шестеро. Если наблюдение организовано в четыре смены – это значит, пашут как минимум шестнадцать человек только на наблюдении.

Солидно.

Те, кто сидел в Крузере, профессионалами не были – ехали себе и ехали. Ехать оказалось недалеко – свернули к большой вилле в окрестностях Малаги. Я проехал мимо... сейчас мода пошла – покупают сельхозугодья и переделывают старые коровники, конюшни в богатые дома. Вот и тут так же сделали.

Остановился подальше, поставил на крышу квадрик – ле-

ти, дорогой. Что-то мне захотелось окрестности поснимать с высоты птичьего полета...

...

Вилла и в самом деле была сделана из бывшего коровника – длинного, вытянутого, несуразного. Рядом – в рядок стояли машины. Виллу снимали русские, потому что если бы это были не они – то у них хватило бы ума арендовать или покупать белые машины, которые не так нагреваются на солнце. А не черные...

Я начал смещать квадрик и одновременно снижать его, чтобы посмотреть номера. Пока просто запишу, потом на компе в свободное время почищу, обработаю...

Твою мать...

Были видны номера на одном из джипов – это были не испанские номера, а украинские, с сине-желтым флажком. Они что – сюда свой транспорт пригнали⁶?

Охренеть...

...

Ночью я совершил преступление. В смысле – проникновение в чужой дом. Правда, я ничего там не взял, и даже кое-что оставил, так, что это может являться смягчающим обстоятельством.

Утром, в восемь часов утра ровно – испанцы все встают очень рано из-за жары – я позвонил на телефон, который

⁶ Это считается модным – гонять по Испании на джипе с украинскими номерами.

оставил на столике чужого дома вместе с запиской. Трубу взяли сразу.

– Кто это?

– Мистер Бернштейн. Вам привет. От того самого человека.

– Да, я понял.

– Нам надо встретиться.

...

Встречу организовали довольно просто и грубо.

Днем – я пошел в администрацию марины и спросил, не сдает ли кто-то в аренду небольшую лодку под рыбалку. Как оказалось, сдавали и не одну, и я арендовал на два дня лодку, да еще и с небольшим Зодиаксом, прицепленным на корме. Обошлось это относительно дешево – конкуренция.

Потом я отогнал лодку туда, где должна была состояться «рыбалка» и лег спать, чтобы ночью бодрствовать.

В час ночи я спустил Зодиакс на воду, взял координаты по GPS, чтобы не заблудиться и малым ходом пошел к берегу. Волна мягко шлепала о борт, борт манил созвездиями огней – побережье гуляло. Припомнилось меткое замечание одного украинского журналиста – «у нас каждый первый во власти мечтает урвать и уехать в Испанию». Думаю, не только для Украины это справедливо. Еще вспомнилось – «украинский учат лохи, умные учат английский и китайский»...

Когда я был у самого берега – мелькнул свет фонаря и тут же погас.

Бернштейн оказался на берегу с тремя телохранителями. Автоматы Застава-21 – для Европы серьезная круть. Скорее всего, сербы или хорваты.

– Руки.

Я не стал говорить, русский я или нет – для сербов это плюс, для хорватов – минус, а говорят они похоже.

Свет фонаря осветил мне лицо и погас

– Какого черта?

– Кто вы?

– Я же сказал, я от дона Хосе. Если вам не нужна помощь, я просто уплыву и все. Но я приплыл не для того чтобы мне тыкали автоматом в лицо...

...

– Я тот, кто вытащил племянника дона Хосе из Одессы. Слыхали?

Берштейн недолго размышлял.

– Оставайтесь здесь, – сказал он охранникам.

И полез в лодку

...

На арендованной лодке я провел Бернштейна вниз, в каюту. Он попросил не зажигать свет, и я его просьбу уважил.

– Вы русский?

– Не совсем.

– А говорите как русский.

– Я эмигрант.

– Вот как?

Бернштейн щедро плеснул виски в бокал.

– И я эмигрант. И как – нравится на чужбине?

Я пожал плечами.

– Нормально. Если не ленишься, можно жизнь сделать.

– А вот меня все достало... – Бернштейн быстро перешел на «ты». – Знаешь, мы в свое время уезжали и думали, что бежим из надоевшей нам страны в какой-то лучший мир. Более справедливый, более богатый, более ... нормальный, что ли. Но вот сейчас – я понимаю, что мы бежали от самих себя. А от себя не убежишь. И наше дерьмо – всегда с нами...

Так. Это уже не интересно.

– Мистер Бернштейн, – я поставил свой бокал, – я не психоаналитик.

– Да, да... – Бернштейн допил свой. – Что вам нужно?

– Видите ли, мистер Бернштейн, – сказал я, – я не сказал, что работаю на дона Хосе. У нас скорее общие интересы.

– Вот как? Ну, я это уже понял – иначе вы бы меня мистером не называли.

Я про себя подумал – теряю квалификацию. Ошибка и грубая.

– Я сейчас работаю на российское правительство, – открыл карты я.

– Даже так...

– Вы смотрите телевизор, мистер Бернштейн. Скандал с переправкой наркотиков из Аргентины. Мы бы хотели разобраться в этом деле. И закрыть канал. А что-то мне подска-

зывает, что вы знаете организаторов этого дела.

– А если не знаю? – сказал Бернштейн.

– В таком случае я просто доставлю вас обратно на берег.

Живите дальше вместе со всеми вашими проблемами.

Бернштейн налил еще виски.

– Скандал у ворот вчера с полицией вы устроили?

– Да.

– Как?

– Сказал, что они бутылку на дорогу бросили.

– Ловко...

...

– Если я вам все расскажу, что вы сделаете с этими людьми?

– Я не решаю такие вещи...

– Да? Ну, ладно...

Слон. Буэнос-Айрес. 04–07 марта 2018 года

Посольство России в Аргентине располагалось совсем недалеко от американского, на улице Родригеса Пеньи, это совсем рядом с главным вокзалом столицы – Ретиро. Вокзал – отличное место для неофициальных встреч: много народа, постоянное движение, повышенное внимание полиции, что не помогает, а затрудняет слежку. Именно поэтому Слон назначил встречу резиденту ГРУ в Буэнос-Айресе именно на вокзале. Точнее, не на вокзале, а в одной из электричек, идущих в пригород.

Покупая билет, Слон поразился его дешевизне – дешевле, чем в Москве, а увидев электричку, поразился, что кто-то вообще выпустил в рейс это чудо. Электричка была старой, грязной, часть дверей вообще не закрывалось, причем сделано это было нарочно – чтобы в пути вагон продувало. Пара вагонов была без сидений – специальные для велосипедистов, они так на велосипедах и ехали...

Резидент появился вовремя, Слон сразу понял – толку от него будет мало, но, похоже, малый старательный. Он нервно осмотрелся и зашел в вагон. Слон зашел следом. Электричка, точнее дизель-поезд – тронулся...

Соблюдать меры предосторожности было бессмысленно,

Слон это понял сразу. Вагон был набит людьми, как сельдя-ми в бочке, кто-то открывал дверь и высовывался, гарцуя пе-ред своими друзьями и рискуя свернуть себе шею, шум стоял такой, что надо было кричать, чтобы услышать собеседника. Потому Слон протиснулся поближе к молодому парню, ко-торый пришел навстречу, прокричал ему в ухо:

– Виктор?

Парень обернулся.

– Да. А вы...

– Выбери место, где можно выйти. Я выйду за тобой...

...

Виктор вышел почти сразу – еще в черте аргентинской столицы. Кругом была застройка, напоминавшая Москву времен Лужкова, было грязно и шумно, толпился народ. Прямо по рельсам – бегали крысы, подбирая выброшенные прямо на рельсы пищевые отходы. Такое ощущение, что лю-ди здесь не знали смысла слова «субботник», и грязь тут ко-пилась несколько лет...

За ними вышло много народа, но все разошлись. Слон со-скочил с поезда в последний момент, подошел к парню – ко-торый, кстати, неплохо со своей майкой вписывался в окру-жающий пейзаж.

– Нас тут на нож не поставят?

– Да нет...

– Ладно, пойдем, прогуляемся...

Они сошли с платформы, и пошли по улице. Слон недо-

уменно смотрел по сторонам и думал – будний день, а сколько народа на улице. Они что – все не работают?

– Почему столько людей на улице? – спросил он.

– А... тут обеденный перерыв два часа.

Здорово...

– Ну, давай знакомиться. Меня Алексей зовут.

– А по отчеству как?

– Просто Алексей. А ты – Виктор, так? Что закачивал?

– Военный университет.

– Романские языки?

– Нет, английский.

– А сюда как попал?

– Я испанский в школе учил. На английский мест не было.

Здорово...

– Хабла испаньол?

– Си, синьор.

– А я вот ни хрена не хаваю этот испанский, так что придется тебе мне помогать. Тут где-нибудь место есть посидеть – поговорить?

...

Место поговорить они нашли во дворе, на детской площадке. Детей на площадке не было, а сама площадка напоминала парк культуры и отдыха города Припять...

Но, по крайней мере, было где сесть.

– Рассказывай. Как вы умудрились так вляпаться? В Москве только вас на все лады и склоняют.

– Провокация это.

Выпалил, не подумав. Но молодец, по крайней мере, не стал валить на других.

– А с чего провоцировать именно вас? И с чего – именно здесь? Почему Аргентина?

– Не знаю. Может, мстить хотят?

– За что?

– Мы серьезно продвинулись за последний год в переговорах по перевооружению. Аргентинская армия дышит на ладан, ей нужно всё – от новой винтовки и до нового самолета. Американцы могли и устроить провокацию, особенно после прихода Макри. Из мести, можно сказать.

Слон покачал головой.

– Это не «Санта-Барбара».

– Что? Какая Санта-Барбара?

Слон вдруг понял, что этот парень действительно не знает, что такое «Санта-Барбара»⁷. Он – человек совсем другого поколения.

А это значит, что он, Слон, постарел. И пора на покой.

– Проехали. Про американскую провокацию расскажи моей бабушке. Наркотики нашли на самом деле. Изъяли на самом деле. Что говорят в посольстве? Рассказывай. Ты присягу давал – в отличие от некоторых

Слон знал, что посольская среда – тесный и замкнутый мирок, в котором мало что можно утаить друг от друга. И в

⁷ Сериал, популярный в 90-е годы.

этой среде – дыма без огня не бывает, общественное мнение редко ошибается.

– Говорят, это Кузнецов.

– Советник по безопасности?

– Да, он. Его уже нет здесь.

– Понятное дело. Еще кто?

– Суворкин.

– А это еще кто?

– Завхоз... ну по хозяйственной части.

Если первая фамилия для Слона новостью не была, то про Суворкина он слышал впервые.

– Давно, как думаешь, таскали?

– Не знаю... я не обращал внимания.

– А слухи ходят?

– Говорят, давно. Не первый раз.

Здорово – Слон хлопнул в ладоши – все знают и молчат. Потому что проблем не хотят огрести. Пусть страна проблемы огребают.

– Я спрашивал.

– Кого?

– Посла.

– А он что?

– Всех собак на меня спустил.

– В Москву докладывал?

А в ответ тишина, взятая за основу...

Слон не первый день «был замужем», застал еще те вре-

мена. В чем была разница? Ну, совести и тогда не было, за-гранка приманивала бессовестных людей, как мух – дерьмо. Но кое-что все же было. Тогда резидент не стал бы покрывать посольских работников, замеченных или даже просто подозреваемых в таких вот гнилых, неблагоприятных делах. Торговля наркотиками! Прямо на территории посольства склад! Да тут никто не стал бы покрывать такое.

Вскроется – в Москве спросят не с них, в Москве спросят со всех – куда смотрели? Не иголку пронесли! И спрос со всех.

Но даже без спроса, люди... как то по-другому относились друг к другу. Требовательнее, что ли. Было понимание, что мы все – жители одной страны, откровенных подонков просто не терпели рядом с собой.

А сейчас всем на всё плевать. И на всех. И как то быстро уяснили стиль поведения адвоката – ко мне какие претензии? Конкретно – ко мне? Я конкретно, что сделал? Ничего? Ну а что вы мне тогда предъявляете?

– Отзовут меня? – спросил резидент.

Как же... отзовут. Держи карман шире, в наше время все дошло до того, что людей не хватает – не засвеченных и ни откуда не высланных.

– Отзовут... – решил усугубить Слон, – да тебя не отзывать, тебя расстрелять надо. Ты здесь для чего сидишь?

– А у меня этого в инструкции нет. Есть советник по безопасности.

Слон хотел сказать... он много чего хотел сказать, но осекся. И правда – нет. Раньше говорили: «А ты, как коммунист, куда смотрел?» Теперь только нет коммунистов

– Значит, так, – сказал Слон и тон был его нехорошим. – Положи все на бумагу – все что знаешь. И мне лично в руки. Срок – до завтра. Второе – чтобы до конца недели мне назвал, кто еще знал и кто был в схеме. Иначе разбираться с тобой будут в Москве. И совсем другие люди. Понял?

Удмурт. Мадрид – Франкфурт – Буэнос-Айрес. 08 марта 2018 года

В обратный путь я полетел через Франкфурт, взяв билеты по интернету. Отследить могли запросто, но сейчас время важнее скрытности.

Нормально поспать в самолете так и не удалось...

Во Франкфурте у меня была стыковка на семь часов – я ее специально взял именно так. Как и положено в цивилизованной стране, меня выпустили в город и даже предложили экскурсию, от которой я благополучно отказался.

Тип из Uber, который приехал по вызову – не владел немецким совсем. Но владел английским. Мы с ним разговорились, и он с горечью поведал мне о своей трудной судьбине. Как он заплатил пятнадцать тысяч, которые собирали всей нигерийской деревней за переезд – а в итоге попал в рабство к албанским дилерам. Те – это группировка «Албанские соколы», – тут же отняли у него паспорт, повесили какой-то левый долг за переезд и заставляют ишачить в такси за еду. Он раньше водил в Африке маршрутку, а теперь тут возит клиентов. Обещают через два года отпустить за отработкой долга, но верится с трудом. То есть, албанцы держат нигерийских рабов, которые работают в американском такси Uber. И все это происходит во Франкфурте. В благополуч-

ном германском городе. Спрашивается, стоило ли ехать? И вспоминается школьное: *Мы не рабы, рабы не мы.*

Пошатавшись по центру и пофотографировав достопримечательности, я зашел в немецкую пивную. Спросил сосисок и краута. Повар, кажется, был поляк, а среди посетителей – каждый второй турист. За-ши-бись.

– Здесь свободно?

– Не занимал никто.

Человек в черной кожаной куртке – сел рядом, поставил пиво и жареные сосиски. Взялся за кетчуп с горчицей...

– Ну, здорово, что ли... – негромко сказал он по-русски.

Штирлицы XXI века. Только вместо кафе «Элефант» – пивная с сосисками. От которых идет одуряющий запах...

– Здорово.

– Как жизнь?

– Только держись.

– А я слышал, ты не у дел после Киева.

– Сейчас все у дел.

– Ну, да, ну, да...

Человека, который сидел рядом, я знал как Дениса Воронина. Он в свое время сильно покуролесил в Штатах.

– Поменьше юмора. Я, в отличие от некоторых, квитанции из московского такси не коллекционирую.

С Ворониным у меня отношения были не очень. Причину я, извините, оставляю при себе...

– Куда нам...

– Ты мне передать что-то должен?

– Должен.

На столе осталась лежать карта памяти, мизерная, почти невидимая.

– На словах что?

– Привет Слону.

– Передам.

– Чтобы ты знал, он за тебя рвал не по-детски. Грозился рапорт положить на стол.

– Зачтется на будущее... еще что?

– По твоим фигурантам. Первый, как ни странно, журналист.

– Журналист чего?

– Раньше работал на печатные издания. Солидные, у него в активе даже «Таймс» есть.

– А сейчас?

– Частник. Но интересный частник. Ты слышал про «Бердвью»?

– Слышал. Второй «Беллингкэт».

– Не совсем так. «Беллингкэт» – сливной бачок. Через него легализуют информацию. А вот «Бердвью» реально информацию добывают, мы проверили. У них штат инвестигейторов на полном окладе. Отставники...

– За чей счет банкет?

– Во главе этой конторы – некий Берт Чикоф. Его попросили из ЦРУ в шестнадцатом.

– Воровал?

– Нет. Есть инфа – неофициальная – что он входил в группу, которая пыталась любой ценой дискредитировать Трампа. Но Трамп победил, и им пришлось уходить. Но ушли они недалеко. Они создают параллельные силовые структуры при Демпартии США.

А-хре-неть. Политическая партия с вооруженным крылом получается. Демократическая партия США.

– Этот Чикофф создает параллельное ЦРУ. Главная цель – мы. По нашим данным, он стоит за всеми последними скандалами. С ВАДА, с убийством того чеха здесь. Схема проще простого – добывается информация, потом через прессу поднимается хай, а Конгресс, который контролируют демократы, встает на дыбы.

– Там сейчас под сотню президентов и у каждого своя внешняя политика.

– То-то и оно. Но ты схему понял, да? ЦРУ работает преимущественно в режиме накопления информации. Чикофф первый понял, что этого мало. Он специализируется на медийных скандалах и их провокации. В его конторе все дерьмо, которое к ним приплыло, не убирается в папочку, а тут же бросается на вентилятор. И чем больше брызг, тем лучше.

А что – неплохо. Даже очень неплохо. Умно. Научились от журналистов – факт хорош, тогда когда он жареный. Ведь в чем слабость разведки? В свое время КГБ было первым в мире по накоплению информации. Ее добывали просто

– море. И что? А ничего. Складывали в папочки и на них сидели...

Революции в США не случилась, в Германии – тоже, СССР развалился – при мощнейших спецслужбах. В Народных фронтах каждый второй стучал на каждого первого – но это ничего не изменило. Страну они развалили.

Чикофф, видимо, один из первых понял запрос нового времени – тайн в нашем новом мире, когда у каждого телефон с фотоаппаратом – осталось мало. Вопрос в том, как ты подашь информацию? Поверят ли тебе? И выйдут ли потом на улицу?

– Первый. Ты мне имя не назвал.

– Алек Адамидис. Тоже ЦРУшник бывший, работает на Чикоффа. Представляется как журналист-инвестигейтор. Если ты его приземлишь, окажешь большую услугу и мне, и еще многим. Они реально нам дышать не дают.

– Учту.

– Так... Теперь по третьему. Тип, известный на все Балканы, – Милан Субботич. На него полный набор, с восьмого года в международном розыске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.